

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Том 27, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский
государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана, (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Киргизия, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония,
Токио)

Е. Смолари, Ph.D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия,
Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия,
Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия,
Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия,
Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия,
Новосибирск)

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия,
Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия,
Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия,
Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия,
Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук
(Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия,
Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия,
Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Vol. 27, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2022

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altay State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),
A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)
N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences
(Bulgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Nursultan)
M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)
Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)
E. Smolarts, Ph.D. (Germany, Bonn)
Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany,
Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)
A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences
(Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences
(Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

A. V. Baulo, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences
(Russia, Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77–78911. Registration date 07.08.2020 e.

Editorial office address: 656049, Altai region, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2022 Том 27, № 4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Руденко К. А.* О редких типах удил и псалий XI–XII вв. из Волжской Булгарии (к вопросу об этнокультурных контактах) 7
- Гук Д. Ю.* Семантика образа зайца на предметах из погребений раннего железного века в музейных собраниях 23
- Данич А. В.* Монеты и монетовидные подвески из раскопок Баяновского могильника в Пермском Предуралье 36
- Константинов Н. А., Соенов В. И., Трифанова С. В.* Результаты спасательных раскопок на могильнике Курайка в 2015 г. 56
- Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С.* Раннескифское погребение с металлическим зеркалом из Северного Алтая 74
- Папин Д. В., Кобзев В. Л.* Материалы периода средней и поздней бронзы в правобережном Барнаульском Приобье 86

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Ожередов Ю. И.* Раковина каури в культурах мира (по материалам археологии и этнографии) 100

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Чеджемов С. Р.* Религиозный фактор в системе политико-правового состояния общества: на примере Республики Северная Осетия-Алания 142
- Дринова Е. М.* Политизация ислама и суфийские традиции в истории Турции 154
- Насонов А. А.* Миллениаристские воззрения и государственно-конфессиональные отношения на Алтае (рубеж XIX–XX вв.): преемственность и противоречия 165

- ДЛЯ АВТОРОВ** 176

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2022 Vol. 27, №4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Rudenko K. A.</i> About rare types of bits and cheek-pieces of the 11th-12th centuries. from Volga Bulgaria (to the question of ethno-cultural contacts).....	7
<i>Hookk D. Yu.</i> The semantic of image of a hare on items from early iron age burials in the museum collections	23
<i>Danich. A. V.</i> Coins and coin-shaped pendants from the excavations of the Bayanovsky burial ground in the Permian Urals	36
<i>Konstantinov N. A., Soenov V. I., Trifanova S. V.</i> Results of rescue excavation at the Kurayka burial ground in 2015.....	56
<i>Seregin N. N., Demin M. A., Radovskiy S. S.</i> Early Scythian burial with a metal mirror from Northern Altai.....	74
<i>Papin D. V., Kobzev V. L.</i> Materials of the middle late bronze age in the right-bank Barnaul Priob.....	86

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Ozheredov Y. I.</i> Localization and chronology of cowrie shells in the world cultures (archaeological and ethnographic evidence)	100
--	-----

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Chedzhemov S. R.</i> The religious factor in the system of political and legal state of society: on the example of Respublice Ossetia-Alania.....	142
<i>Drinova E. M.</i> Politicization of islam and traditions of sufism in the history of Turkey.....	154
<i>Nasonov A. A.</i> Millenarian beliefs and state-confessional relations in Altai (turn of the XIX–XX centuries): continuity and contradictions.....	165

FOR AUTHORS	176
--------------------------	-----

РАЗДЕЛ II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 902.01, 903.2 (571.1/.5)
DOI: 10.14258/nreur(2022)4-07

Ю. И. Ожередов

Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета
им. М. К. Аммосова, Анадырь (Россия)

РАКОВИНА КАУРИ В КУЛЬТУРАХ МИРА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ)

Исследование направлено на обобщение доступных сведений о культурно-хронологической локализации и функциях раковины каури в территориально отстоящих от Западной и Южной Сибири обществах, изучение которых в данном контексте уже проведено. Внимание акцентировано на культурах и народах — носителях каури в Евразии, Африке и Северной Америке от древности до новейшего времени. Работа продолжила исследование, инициированное находками раковин каури в захоронениях нарымских селькупов, с этим вставших в один ряд с другими культурами в Сибири и за ее пределами. Будучи импортом символического, а не утилитарного значения, каури привнесли в Сибирь иную, не материальную ценность, обретенную ими во внешнем, географически отдаленном мире, организованном на других культурно-хозяйственных принципах и воззрениях. Расширение географии носителей каури требуется для осмысления места таежных поделок на примерах более изученных обществ, послуживших введению культурный оборот, сакрализации и символизации каури.

Ключевые слова: культурно-хронологическая локализация раковины каури, Америка, Африка, Евразия, Сибирь, селькупы.

Цитирование статьи:

Ожередов Ю. И. Раковина каури в культурах мира (по материалам археологии и этнографии) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 4. С. 100–141.
DOI: 10.14258/nreur(2022)4-07.

Y. I. Ozheredov*Chukotka Branch of the North-Eastern Federal University. M. K. Ammosov. Anadir (Russia)*

LOCALIZATION AND CHRONOLOGY OF COWRIE SHELLS IN THE WORLD CULTURES (ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC EVIDENCE)

The study summarizes the available information about cultural-chronological localization and the functions of the cowrie shells in societies outside the West and South Siberia, the territories not included in my previous work. The research focuses on the artefacts from Eurasia, Africa and North America dated from the Antiquity to the Contemporary period. The paper continues the study initiated by the cowrie finds from the Narym Selcup burials, and add them to the vast number of cultures in Siberia and its outside territories. Being imported for its symbolic rather than utilitarian qualities, cowrie shells brought a new non-material value from the outer world with different culture and economy. Expanding the group of cowrie culture representatives is necessary for estimating the role of the shell artefacts from Taiga region among the more studied cultures that originally provided the system of sacralization and symbolism for these type of objects.

Keywords: culture-chronological localization of cowrie shells, America, Africa, Eurasia, Siberia, the Selcup.

For citation:

Ozheredov Y. I. Localization and chronology of cowrie shells in the world cultures (archaeological and ethnographic evidence). Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 4. P. 100–141. DOI: 10.14258/nreur(2022)4–07.

Ожередов Юрий Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. **Адрес для контактов:** nohoister@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>. **Ozheredov Yuri Ivanovich**, candidate of historical sciences, researcher at the Chukotka Branch of the North-Eastern Federal University. M. K. Ammosov. **Contact address:** nohoister@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>.

Введение

Исследование культурно-хронологического позиционирования раковины каури на территории Евразии и соседних континентов вылилось в материал для двух журнальных статей, подготовленных в 2022 г. Однако работа по этой теме началась гораздо раньше и была инициирована присутствием каури в археологии и этнографии нарымских, или южных селькупов. В стремлении объяснить появление раковин из южных морей у народов северной зоны были предприняты шаги в сторону первичного обобщения

сведений об их находках в Западной Сибири и прилегающих регионах Южной Сибири. Но, как оказалось, мир каури настолько обширен, что даже публикация сводки статистического характера требует большого объема печатного пространства. Поэтому собранный материал пришлось разделить на две части. В первой статье, увидевшей свет в начале года, были собраны доступные сведения о находках каури в условных географических границах Западной и Южной Сибири [Ожередов, 2022]. Вторая (настоящая) статья посвящена культурам и этносам вне Сибири. Здесь учтены пограничные, не столь отдаленные, весьма отдаленные и вовсе далекие территории (вне Евразии), где зафиксировано присутствие «доместицированных», или окультуренных раковин каури.

Исследование показало, что сибирские пределы являются лишь малой частью мира каури, а бытующие о них представления являются пришлыми, как и сами раковины. Следовательно, побудительные причины внедрения их в таежную культуру следует искать во внешнем мире, там, где каури, по словам Мориса Годелье, занимают место в понятном ряду «средств социального воспроизводства, необходимых для украшения иницируемых, воинов, иницированных девушек, замужних женщин и т. д.» [Годелье, 2007: 170]. Целью настоящей работы стало стремление раздвинуть мир каури до предельных географических и хронологических горизонтов, а также изучить место и роль ее в культурах, породивших метафизическое осмысление и ритуальное приращение. А в итоге попытаться экстраполировать полученный результат на воззрения селькупов. В широком смысле работа предполагает соотнесение представлений таежных охотников-рыболовов и представителей обществ «большого мира» — кочевников-скотоводов, земледельцев, первобытных охотников, рыболовов и собирателей отдаленных стран [Ожередов, 2022: 75–94].

В работе использованы сведения, полученные из литературных источников и от исследователей, авторские наблюдения и предметы музейного хранения в отечественных и зарубежных музеях. При этом исследование не претендует на абсолютную полноту источниковой базы, оставляя простор для новых дополнений и уточнений.

Сводка источников исследования

В свое время Л. Я. Штерберг писал: «...есть множество народов, у которых любимым украшением являются раковины, особенно мелкие ... раковинки, так называемые, каури — *Surgaea moneta*... все сибирские народы, а также наши финские народы любят каури, и торговля разнесла их по всем континентам» [Штернберг, 2012: 306]. По наблюдениям немецкого ученого Карла Вейле, «в до и протоисторическое время эти раковинки были в ходу до Северной Европы» [Вейле, 1923]. Ю. Липс, другой немецкий исследователь, в свою очередь констатировал: «Раковины каури украшают руки, шеи, прически людей на всем пространстве от Африки до Австралии» [Липс, 1954: 72–73; Lips, 1961: 230, 257].

Как показывают материалы, диапазон культурного бытования каури на евразийских и сопредельных просторах во времени и пространстве много обширнее суммарного ареала, отмеченного в предыдущей публикации [Ожередов, 2022], и того, который способен разместиться в настоящей работе. В связи с этим в обоих нарративах упомянуты лишь артефакты, демонстрирующие хронологическое и территориальное

покрытие в режиме *pars pro toto* — часть вместо целого. В данном контексте статистика, безусловно, является важным, но не решающим фактором. К такому выводу склоняет культурно-территориальный аспект, в силу которого пределы археологических культур и ареалы обитания этносов часто не укладываются в строго отведенные географические рамки, пересекают их и выходят на соседствующие пространства. К примеру, ранние формы каури одинаково присутствуют на «оленных» камнях не только Монгольского, но и Русского Алтая [Кубарев, 1991: 94, рис. 23; Савинов, Членова, 1978: 78, 80, 83, 85; Ожередов, 2022: 83]. Одновременно формально близкие к ним изображения обнаруживаются на киммерийских изваяниях Северного Кавказа и прилегающих регионов [Ольховский, 2005: 122, ил. 18–22, 24, 26–30]. Точно так же в Восточной Сибири пределы культуры «плиточных могил», известной находками каури, распространялись на территории Забайкалья и Монголии [Крадин и др., 2004: 11; Цибиктаров, 1998: 3, 166–167, рис. 48.-1; Цибиктаров, 2001: 102, рис. 27.-5]. Особенно наглядны такие контаминации в кочевых мир-империях, обладавших громадными территориями и этнокультурным разнообразием при структурной общности их обитателей [Крадин, 2000: 320–322].

Предметом данного исследования, безусловно, являются натуральные каури и их имитации, бытовавшие преимущественно у племен южных степей, подступающих к Сибири и уводящих далеко на юг, восток и запад. Кочевники евразийского степного коридора, помимо того, что в какой-то момент истории сами стали потребителями каури, издревле являлись их поставщиками к народам лесной зоны северной части Евразии. По некоторым сведениям, первые проникновения каури к северу от их колыбели в южных морях случились в карасукскую эпоху. А вот начало массового внедрения раковин в степные культуры было положено в раннескифское и савроматское время. Презентуя «покровское ожерелье», К. Ф. Смирнов писал, что в его состав входили раковины *Cyprea moneta*, известные и в других савроматских и раннесарматских прохоровских погребениях, к примеру, в могильнике Аландское II [Смирнов, 1964: 145, рис. 71, 7,8; 1989: 174, 301, табл. 71, 16].

Наиболее ранние и предельно западные «скифские» образцы найдены в Северо-Западном Причерноморье, в женском захоронении приднестровского кургана № 3 у с. Текливка (VII–VI вв. до н. э.) [Гуцал, Гуцал, Могилев, 2011: 98, рис. 4.-2–4]. Примерно синхронными им стала пара каури в наборе бус из кургана VI в. до н. э. «Червона могила» у с. Флярковка на лесостепном днепровском правобережье [Ковпаненко, 1984: 112, рис. 2–14]¹. Приднестровскими археологами опубликована сводка «скифских» древностей региона, где указано 15 случаев нахождения каури в детских и женских захоронениях V–IV — первой половины III в. до н. э. Кроме того, отмечено, что «наличие... раковин в скифских захоронениях не маркирует высокий социальный статус погребённых...», «...все указанные захоронения принадлежали рядовым общинникам». Касаюсь происхождения каури, авторы писали, что «большинство раковин из скифских за-

¹ Не лишне отметить, что, хронологически тяготея к ранним формам степной скульптуры, эти находки опосредованно подтвердили культурное сближение раннескифских и киммерийских древностей, в частности, монументальной скульптуры из камня.

хоронений Северо-Западного Причерноморья конца V — первой четверти II в. до н. э. были привозными» [Синика, Загордонец, 2018: 81, 83–85].

Способ употребления каури, их назначение, половозрастную принадлежность и социальный ранг носителей авторы оценивают следующим образом: «Раковины не являются маркером высокого социального статуса погребённых и встречаются чаще всего в детских и женских захоронениях», но имеются отдельные случаи «присутствия каури в мужских погребениях». Случай пребывания каури в мужском захоронении отмечен в могильнике Глинное (41/2). В целом анализ размещения раковин в могилах показывает, что они, как правило, были составной частью украшений — ожерелий и браслетов, о чем свидетельствуют спиленные спинки и одиночные сквозные отверстия у части экземпляров. Также «не подлежит сомнению их использование в качестве амулетов» [Синика, Загордонец, 2018: 81, 83–85]. Расширяя географию бытования причерноморских каури, Е. И. Савченко отметил их присутствие в комплексах скифского времени на Среднем Дону: в «Частых курганах» и в кургане у с. Мастюгино [Савченко, 2005: 486, рис. 9, 16, 18, 19].

Обширная сводка о каури в культурах «кочевников Азиатской Сарматии» приводится в статье М. Ю. Трейстера. На основе публикаций и личного знакомства с музейными собраниями автор презентует экземпляры из погребений «азиатских кочевников» «от Средиземноморья и Центральной Европы на западе до Китая — на востоке». Исследование охватывает финал II тыс. до н. э. — первые века новой эры. Анализу подверглись территории Карпатского района, Побужья, Приднепровья, Северного Причерноморья, Нижнего Подонья, Юго-Западного и Центрального Крыма, Азиатского Боспора, Прикубанья и Прикамья. Кроме того, обзор в разной мере затрагивает ранний железный век Средиземноморья, Центральной и Восточной Европы, Восточной Сибири, Ближнего, Среднего и Дальнего Востока [Трейстер, 2021: 23–27]. Однако при всей скрупулезности и наполненности исследования, автор оставил много места для дополнений, обусловленных как поставленными задачами, так и недостатком источников. За пределами обзора остались прежде всего памятники, возникшие вне эпохи раннего железа, которыми собственно и ограничено исследование. При этом в рамках означенной хронологии во множестве выявлены неучтенные публикации, несущие дополнительные сведения, к примеру, о находках на территории Сибири. Представляется, что к использованным источникам следует добавить ряд работ, начиная, например, с обобщающего коллективного исследования, отразившего ситуацию с каури у хунну Забайкалья. Группой авторов был проведен анализ инвентаря четырех крупнейших некрополей региона (Иволгинский, Дырестуйский, Культук, Черемуховая падь и Ильмовая падь), где наличие каури разделилось ровно пополам, раковины имелись лишь в двух первых [Крадин и др., 2004: 40, 51, 52, 57, 59]. А в особо выделенный автором сюжет о каури на поясах кочевников не лишне включить монографическое исследование В. Н. Добжанского, посвященное истории наборных поясов кочевников VII–I вв. до н. э., в том числе из захоронений большереченской культуры Верхнего Приобья [1990: 24]. Также недостаточно полно представлены скифоидные памятники Алтая, Тувы, Хакасии и других районов, существенно пополненных находками корпус «сибирских» каури [Ожередов, 2022: 83].

Источниковедческий анализ показывает, что при смене скифо-савроматского мира на гунно-сарматский в отношении к каури, по сути, ничего не изменилось. Просто теперь они встречаются не в скифских, а в хуннских некрополях Сибири и не в савроматских, а в сарматских захоронениях западной зоны. К примеру, в Подонье это сарматский могильник Новый [Мец, 2004: 106, рис. 1.-1; Brosseder, 2011, s. 384, fig. 34], а в Приднепровье погребение конца II–I вв. до н. э. у с. Подгородное [Костенко, 1984: 127, рис. 2.-27]. И этот процесс культурного замещения прослеживается повсеместно, демонстрируя своей преемственностью дрейф вверх по хронологической шкале в сторону Средневековья, Нового и Новейшего времени. После захвата гуннами части европейского Боспора (III–VI вв.) каури появляются в средневековом некрополе квартала Корчев в Боспоре (в Керчи), в каменных ящиках у стен церкви Иоанна Предтечи, а в конце V–X вв. широкой полосой дефилирует от Приднестровья через Крымский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье до отрогов Закавказья [Крым, Северо-Восточное Причерноморье, 2003: 134, 457, 480]. С VI–VII и до середины IX в. каури служили амулетами у алан Северного Кавказа и Среднего Дона, где возник салтово-маяцкий вариант аланской культуры [Албегова, 2001: 84, 89, 94, табл. 2-4]. Но прежде чем в IX в. выйти из употребления, каури украсили ожерелье молодой аланки из некрополя Подорванная Балка (VII–X вв.) в Нижнем Архызе [Доде, 2005: 322, рис. 3]

Рис. 1. Аланка, VII–X вв. Реконструкция. [Доде, 2005: 322, рис. 3]

Fig. 1. Alanka, VII–X centuries. Reconstruction. [Dode, 2005: 322, fig. 3]

В Закавказье каури были найдены в захоронениях IX–XIII вв. Грузии и Азербайджана [Крым, Северо-Восточное Причерноморье, 2003: 15, табл. 47.-4, 48.-38, 171.-48, 194.-7–11].

В северной лесной зоне Восточной Европы, вплоть до Урала, картина довольно пестрая, ввиду, вероятно, бессистемных поступлений каури на эти территории. Ситуация примерно такая же, как у народов Западной Сибири, точно так же не имевших регулярного притока каури, хотя народы тайги стремились оградиться от несчастий с помощью их магической силы [Ожередов, 2022: 86].

По сведениям И. Г. Спасского, довольно рано раковины появляются в зоне расселения прибалтийских племен [Спасский, 1970: 70]. Их находили в памятниках IX–VII вв. до н. э. Северной Германии, Литвы, Латвии, балтийских островов и под белорусским Витебском. Другая группа находок каури и их имитаций выявлена в комплексах VI–VII вв. в Германии, IX в. в Швеции, XVI в. под Ригой [Воронов, 1986: 68]. О каури в землях немецкой Прибалтики писал Карл Риттер, указав на их наличие в древних могилах Померании [Риттер, 1877: 377]. Этнографические образцы выявлены далее к югу, практически в центре германских земель, где каури «еще в начале XIX столетия служили украшением сбруи саксонских гусаров» [Вейле, 1923: 101]. Судя по обстановке, торговые люди, поставившие раковины в восточные регионы, не забывали обеспечить местные прибалтийские и соседствующие с ними, часто родственные, племена. Каури известны в составе височных колец из могильников развитого Средневековья, оставленных финно-угорским народом *водь* [Седов, 1987: табл. X.-4]. По сведениям Т. Вахтер, «каури были у мордвы, «ингерманландцев», черемисов, а также, в древностях «железного века Финляндии» [Орнаментика..., 201: 78, 80, 82, 84, 431–432, 433, табл. 124, 125]. Названные народы относятся к финно-угорской языковой группе, именованной Л. Я. Штернбергом «наши финские народы» [Штернберг, 2012: 306].

По сведениям И. Г. Спасского, каури поставлялись в Северо-Западную Русь из городов Прибалтики уже с XII в. [Спасский, 1970: 70]. Особенно заметное число их обнаружено в новгородских и псковских древностях XII–XIII вв. Иногда в виде кладов, ярким образцом которых является клад, найденный под Псковом. Новгородские купцы с XII в. снабжали этими раковинами Среднее и Верхнее Поволжье [Воронов, 1986: 68; Спасский, 1970: 70]. На это же столетие приходится пик кладов, найденных в Северо-Западной Руси. Продолжая эту историю, отметим, что в XVI в. русские «гости» тысячами закупали в Риге ужовки (жуковины, змеиные «гажьи головки»), так их звали на Руси, ввозили в Новгород и распространяли по другим землям [Воронов, 1986: 68–69; Спасский, 1970: 71]. Данное утверждение подкрепляют находки в восточнославянских средневековых городах, в Новгороде, Пскове, близ Витебска. Три каури известны в составе ожерелья из погребения первой половины XII в. в детинце городища вятичей Серенска [Зайцева, 2001: 96].

Помимо русских городских некрополей, каури обнаружены в сельских могильниках Тверской земли. В женских захоронениях Верхневолжья изучены и реконструированы погребальные костюмы и нагрудные украшения XI–XII вв., оснащенные каури. Данные образцы обнаружены в могильниках Высокино 22, Дуденево и Устье. «В Высокино раковина была найдена в единичном экземпляре и занимала центральное место

в ожерелье из бус. В Дуденево раковина каури была подвешена на крупной трапециевидной подвеске», а в Устье ими украсили верхний обрез (горловину) женского платья [Степанова, 2018: 58, 59, рис. 2].

Не менее часты позднесредневековые клады каури и погребения с ними в Поволжье [Воронов, 1986: 68]. В этнографический период центром торговли в регионе являлась Казань, о которой сообщал В. М. Флоринский как о пункте распространения каури, доставленных с берегов Средиземного моря [Флоринский, 1888: 153] с последующим их продвижением на восток. По некоторым данным, у народов Сибири раковины «сохраняли свое торговое значение» вплоть до начала XIX в. [Спасский, 1970: 71]. Помимо поставок с запада, каури могли поступать в Казань по Волге от южных соседей вместе с потоками другого восточного импорта. Здесь речь идет о самых массовых образцах, собранных в бассейне Индийского океана (Мальдивские и Лаккадивские острова, остров Мафия). Существует информация, что арабские, а затем венецианские купцы целыми караванами доставляли каури из Индии в Африку [Квашин]. Нельзя исключать того, что какая-то часть этого товара уходила по обменным каналам на север и оседала у лесных племен. По данным М. Ю. Трейстера, «топография... находок показывает, что раковины каури дошли до древней области Дахистан, расположенной на юго-восточном побережье Каспийского моря», куда они проникли через территорию Бактрии и Маргианы, «намечая возможность функционирования Великого индийского пути, по ставшей, по-видимому, уже традиционной трассе — по Амударье, затем от нее через Келифский Узбой в Маргиану и далее к Каспийскому морю» [Трейстер, 2021: 27].

По сведениям К. Риттера, каури в качестве украшений встречаются «у киргизок, казанских татар и мордвы в Нижегородской губернии» [Риттер, 1877: 377]. В Волго-Камье раковина каури обнаружена в раннесредневековом могильнике Коминтерновский II (VI–VII вв.) [Казаков, 1998: 103, рис. 14.-1]. Чуть позже (VIII в.) они появляются в памятниках *среднециннской мордвы* и фиксируются в захоронениях вплоть до первой половины IX в. [Воронина, 2005: 98, 104], а в X–XI вв. каури попадает в марийский жертвенный комплекс, сопровождавший погребение Русенихинского могильника в Поволжье [Никитина, 2018: 128, рис. 10.-19]. В экспозиции Национального музея Республики Татарстан демонстрируются каури из захоронений ранних булгар в Больше-тарханском могильнике (вторая половина VIII–IX вв.). Также они найдены в трех погребениях Больше-Тиганского некрополя (IX — нач. X в.) [Халикова, Халиков, 2018: 115, 123, 124, табл. VII-22, XV-5, XVI-12]. Далее каури обнаружены в синхронных ему захоронениях Танкеевского могильника (IX–X вв.) [Chalikova, Kazakov, 1977: 183, 189, Pl. IXa-5, XVa-16b XVb-1]. Семнадцать экземпляров раковины встречены в погребении № 2 XIII–XIV вв. Аверинского I могильника родановской культуры. Согласно статистическим данным каури в числе 323 экземпляров зафиксированы среди украшений головного убора, прически, костюма и обуви [Голдина, Кананин, 1989: рис. 64, 18; 2012: табл. 8, 15]. Согласно существующей классификации бус Нижнего Поволжья синхронные аналоги обнаружены в погребениях золотоордынского времени, где «учтено 11 раковин каури, из них 10 имеют просверленное отверстие для подвешивания. Длина от 13 до 30 мм» [Курышова, 2012: 211].

В Прикамье изделия с каури выявлены в инвентаре мазунинской культуры (первая половина — середина III — середина VI в. н. э.) [Краснопёров, 2007: 110]. А на территории Удмуртии раковины найдены в погребении № 97 средневекового (IX — начало X в.) Тольёнского могильника [Семенов, 1988: 32, рис. 3.-17]. Чуть ранее сильному воздействию южных культур подверглись прикамские племена бассейна р. Чепцы, вследствие чего в наборы женских украшений VIII–IX вв. в небольшом количестве попали каури [Иванов, 1997: 114, рис. 65.-9].

В Приуралье аналогичные образцы в количестве 87 экземпляров найдены в Бирском некрополе эпохи Великого переселения народов (IV–VII вв.) [Мажитов, 1968: 38]. Далее к востоку каури обнаружены в средневековых захоронениях Южного Урала. В могильнике Покровском (XIII–XIV вв.) раковина с отверстием расчищена в кургане № 7 около нижней челюсти взрослого человека. Еще два экземпляра залегали в Оренбургской области в кургане № 15 Ново-Кумакского могильника, синхронного предыдущему [Гарустович, Иванов, 2014: 214, рис. 72-9, 207, рис. 79.-11].

Завершая краткий обзор средневековых находок, не лишне заметить, что каури в статистически заметном исчислении встречены в средневековых памятниках Сибири, фиксируя отдельную нишу в многообразной, разнокультурной и разноэтничной картине распространения каури у народов Евразии. Заметный вклад в заполнение средневекового пространства принадлежит находкам из погребений Алтая [Ожередов, 2022: 83]. Синхронной некоторым приуральским экземплярам стала, к примеру, раковина со срезанной спинкой из женского захоронения в тюркском кургане № 2 курганной группы Ивановка XVII (IX–X вв.) [Алехин, 1997: 134, 136, рис. 1–2]. Хронологическим продолжением этих находок явились образцы из впускных погребений монгольского времени могильников Талдуаир-I и Яконур [Тишкин, 2009: 175, рис. 120.-3, 4, 188, рис. 130.-12]. Самой поздней археологической находкой каури на Алтае стал женский накончик из позднесредневекового захоронения в Чоба-Баш, снабженный четырьмя десятками раковин (Борисенко, Худяков, 2003: 162, рис. 1). Синхронная находка встречена Е. В. Ковычевым в женском захоронении XV–XVI вв. близ забайкальского с. Ононск, где расчищен головной убор, украшенный двадцатью каури [Косых, Ковычев, 2020: 15, рис. 4, 5]. Вместе с селькупскими и иртышско-барабинскими и алтайскими образцами данный экземпляр выходит на рубеж нового времени и служит «проводником» к этнографическим аналогам, разворачивая тем самым исследования в историческую плоскость. Однако самую эту плоскость представила другая «археологическая» находка. В подкурганном детском захоронении XVIII в. могильника Кок-Паш на Алтае были расчищены бусы, в состав которых, судя по фотографии, входили семь раковин каури с обрезанными спинками [Каталог..., 2004: 65, рис. 4]. И если Чоба-Баш только придвинулся к этнографии, то Кок-Пашем фактически закончилась археология и началась этнографическая презентация алтайских народов. Ситуации, ознаменованные появлением вслед за позднесредневековыми экземплярами каури этнографических образцов, известны в Прииртышье, Притоболье, Сургутском и Томско-Нарымском Приобье Западной Сибири [Ожередов, 2022: 76–81].

Редактор советского издания книги Ю. Липса добавил от себя: «Употребление раковины каури (ужовки) в качестве украшения на одежде либо как амулета было широ-

ко распространено прежде и у народов СССР: в Поволжье, на Кавказе, в Сибири и др.» [Липс, 1954: 73]. О бытовании каури у сибирских народов Нового и Новейшего времени дает представление «Каталог съемных украшений народов Сибири», составленный на основе собрания Кунсткамеры [Клюева, Михайлова, 1988].

Что касается региона Волго-Камья, то вслед за корпусом «археологических» находок здесь отмечен блок «этнографических» каури, принадлежащий двум различным в языковом отношении группам населения — финно-уграм и поволжским тюркам. Первую группу представляют мордва-мокша, мордва-эрзя и марийцы [Калашникова, Плужников, 1990: рис. 63, 66–70]. Наглядную презентацию некоторых видов украшений поволжских угров дают музейные экспонаты. В собрании Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета хранится марийская женская подвеска (колл. № 4346), описанная следующим образом: «Нагрудник инородческий, сплетенный из бус и раковин, оканчивающийся длинной бахромой из крученых шерстяных ниток коричневого цвета и бисерной сеткой». Предмет передан в музей «Иннокентием Петровичем Кузнецовым 4 марта 1890 года» [Флоринский, 1898: 338; Каталог... 1980: 72]. Другой элемент марийской женской одежды представлен свадебной шапочкой, у которой «сзади... спускаются две подвески из бисера, оканчивающиеся раковинами каури» (колл. № 4983–34в) [Каталог..., 1980: 70, табл. III-3].

Не меньший интерес представляет мордовское «женское нагрудное украшение», поступившее в музей, как и марийские вещи, в XIX в. М. Флоринский описал его следующим образом: «№ 4015. Овальная бляха 14 сант. ширины и 11 вышины, унизанная бусами, русскими медными монетами и раковинами. Медных монет 21, все они разных годов прошлого столетия. Куплена в Томске на толкучем рынке (такое украшение носят мордовки на груди сверх платья» [Флоринский, 1890: 216; Каталог..., 1980: 75].

К тому же следует добавить поделки прикамских удмуртов, собранные в Удмуртском республиканском музее и дающие достаточно полное понимание места каури в костюме и женских украшениях: при изготовлении сережек, наконечников, поделок шейно-нагрудного ношения и череспечных перевязей [Волкова, 1988: 159, 162, 164, 68, 171, рис. 11].

Вторая группа носителей каури в Поволжье представлена поволжскими, или казанскими татарами, появление которой обусловлено этническим и культурным наследием Золотой Орды, оно же является субстратным элементом для других территориальных татарских образований. В том числе для сибирских татар в составе барабинской и томской групп. По данным В. М. Флоринского, служившего ряд лет в Казанском университете и в подробностях знакомого с историей края, «...раковины эти называются *Nutilus*, получают они из Средиземного моря. Шаманствующие инородцы приобретают их в Казани, где этими красивыми раковинками ведется правильная торговля [Флоринский, 1888: 153]. Помимо транзита на восток, Волжская Татария употребляла каури для собственных нужд, что наглядно доказывает «Историко-этнографический атлас татарского народа», демонстрирующий головные уборы и перевязи, снабженные каури [Суслова, Мухамедова, 2000: 167, 230]. На характерную особенность таковых деталей татарской одежды в свое время указал И. Г. Георги, писавший: «Мещеряки... носят наподобие ленты через плечо широкую... перевязь. Нередко перевязь... снабжена амулетом в виде раковины «каури»...» (цит. по: [Суслова, Мухамедова, 2000: 230]).

Исследование мифологии сибирских татар, проведенное группой авторов, показало, что в воззрениях этноса присутствует множество домусульманских натурфилософских сентенций, присущих народам с языческим мировоззрением. В том числе и в контексте осмысления роли и места каури в бытовой культуре [Корусенко, Ожередов, Ярзуткина, 20013: 113–128]. По данным исследователей, каури у татар служили оберегами с соответствующими формами применения [Смирнова, 1999: 95, 96].

Этнографические образцы каури у народов Сибири ранее были представлены в специальной работе [Ожередов, 2022], поэтому, не задерживаясь, перейдем к истории этих раковин у народов Дальнего Востока. Единственным дополнением к сибирской теме следует отметить несколько примеров из порубежной бурятской этнографии, фиксирующей некую переходную зону от сибирской забайкальской к дальневосточной. По имеющимся данным, каури здесь использовали прежде всего шаманы, о чем свидетельствует костюм из собрания Российского этнографического музея [Ожередов, 2022: рис. 3.-2] и сообщение Ц. Ж. Жамцарано, описавшего у агинских бурят куклу «девицы», изображавшую *онгона* Дабая, покровителя скотоводства, на шею которого были «подвешаны раковины *Сургеа монета*». Другой *онгон*, по имени Хэстэ — «имеющий бубен», живет в бубне в виде мужской фигуры, вставленной в перекладину. К его шее прикреплена красная ленточка с *Cyprea moneta* [Жамцарано, 1909, с. 380].

По выявленным источникам, этносы — носители каури — на Дальнем Востоке расселялись преимущественно по Амуру и в приамурской зоне. Это народы тунгусо-маньчжурской языковой группы, у которых точно так же, как у народов Сибири, каури служили элементами накосных украшений. К примеру, девичий накосник нанайцев *афи* представляет собой фрагмент ткани, украшенный бусами, медными пуговицами и раковинами каури [Клюева, Михайлова, 1988: 115; Михайлова: 39]. Интересное наблюдение имеется в исследовании Е. А. Михайловой. При описании причесок орочей и удэгейцев она проводит параллели с материалами обских угров и самодийцев: «Орочи и удэгейцы носили своеобразную прическу (одновременно украшение), которую следует рассматривать как прямую аналогию ложным косам северных хантов и манси, ненцев. Мужские и женские ложные косы одинаковы. Это затылочное украшение в виде продолговатого куска ткани, расшитого бисером, раковинами каури...» [Михайлова]. В свою очередь, переднюю часть налобных повязок нанаяк, живущих близ устья Сунгари, украшали раковинами каури и мелкими белыми бусинами [Клюева, Михайлова, 1988: 115, рис. 6, 7].

На фотографии в собрании ГМЭ запечатлена тунгусская девушка (эвенка) в головном уборе, украшенном подвесками, на которых в районе висков имеется по одной крупной раковине каури [Василевич, 1977: 113–114, рис. 4].

А при описании плаща эвенкийского шамана А. Ф. Анисимов отметил целый ряд подвешенных к нему символических деталей, среди которых присутствовали металлические конические трубочки и колокольцы, представляющие голоса многочисленных духов шамана и изображения раковин каури [Анисимов, 1958: 178]. Помимо эвенков в отделке костюмов шаманов каури использовали маньчжуры. Так, А. М. Решетов зафиксировал ряд экземпляров на «кофте шамана», которая была «обильно украшена нашитыми раковинами каури: на груди розетками по три штуки в каждой, на пле-

чах и верхней части рукава — по одной, на спине — три композиции из трех каури: две на лопатках и одна между ними» [Решетов, 1995: 104].

Рис. 2. Эвенка (р. Амур) [Василевич: 1977: рис. 4]

Fig. 2. Evenka (r. Amur) [Vasilevich: 1977: fig. 4]

Издrevле каури бытует на просторах Центральной и Средней Азии, где находит множество общего в части семантики с культурами сопредельной Сибири. К примеру, в Киргизии раковины появляются в скифо-сарматское время и пользуются спросом вплоть до начала XX в. При этом у киргизов точно так же, как у шорцев, о которых писал Л. П. Потапов, каури служила символом богини Умай [Фиельструп, 2002: 91; Потапов, 1973: 269, 270]. Такого рода находками изобилуют соседний Казахстан, где по сведениям Ю. А. Заднепровского, каури находили в могильнике Кыр-Чебакты (III–I вв. до н. э.) [Заднепровский, 1992: 103, 343, табл. 37–37], в катакомбе № 12 могильника Культобеарысской культуры, соотносимой с северными сюнну, откочевавшими в Канцзюй (I в. до н. э. III в. н. э.) [Подушкин, 2014: 399–400, 406, рис. 3.-4], в могильнике Мардан (нач. I в. н. э.) [Байпаков, Воякин, 2003: 123], в некрополе усуней Узун-Булаг (II в. до н. — VI в. н.), они же «рыжие дьяволы», обитатели Синьцзяна, Киргизии, Семиречья и предположительно потомки ираноязычных саков-тиграхауда [Боканов, 2008: 130, рис. 21.-189]. К ним же примыкают каури в «могилах маленьких детей» джетыасар-

ской культуры, пережившей в низовьях Сырдарьи почти тысячелетие, от конца эпохи бронзы до IX в. [Левина, 1994: 77; Левина, 1992: 70, 343, табл. 24.-14].

В публикациях Г. Н. Потанина, освещавших его экспедиции в Центральную Азию (1876–1877 и 1879–1880 гг.), каури отмечены на головных уборах киргизок (монгольские казахи) и костюмах монгольских шаманов. При этом исследователь уточняет, что у монголов каури нет [Потанин, 1881: 107; 1883: 52, 113–114, табл. XX-91, XXI-94]. Действительно, в Национальном историческом музее МНР экспонируется шаманский костюм, на шапке которого просматривается несколько белых раковин каури.

Рис. 3. Костюм шамана. Национальный исторический музей МНР

Fig. 3. A shaman costume. National historical museum MNR

А в собрании Кунсткамеры хранится комплект северомонгольской дархатской шаманки, которому посвящено специальное исследование К. В. Вяткиной. Каури в количестве девяти экземпляров нашиты в два ряда на шапку, обрамляя ее верх и низ. Показательно, что дархатский этнос возник в результате «омонголивания» тувинцев, проявившемся в близости воззрений и шаманских атрибутов [Вяткина, 1969: 141, табл. I-3, II-17]. Примечательно, что на алтайском плаще *маньяке* зафиксировано девять подвесок в виде фигурок дочерей Ульгения, на которых присутствует знак в форме раковины каури.

Что касается информации Г. Н. Потанина об отсутствии каури у монголок, следует внести уточнение: в Ховдском аймачном музее хранится *урианхайский* женский халат *дээл* с подвесками в виде нитей, на которых чередуются пуговицы и каури.

Рис. 4. Женский халат урианхайцев. Аймачный музей, Ховд, МНР

Fig. 4. A female Uriankhay robe. Aimak museum, Khovd, MNR

Там же находится женский головной убор западномонгольских ойратов *захчинов*, по которому в плотный ряд, перемежаясь с бусинами, нашиты каури, а по центру из раковин смонтирована крестовидная фигура, напоминающая накладную бляшку (ПМА, 1999 г.; письменная информация преподавателя Ховдского университета, археолога Мунхбаяра Чулумбата. 16.07.2022). Любопытно, что аналогичные орнаменты, сложенные из каури, имеются на шапке хакасского шамана, представленной в каталоге выстав-

ки «Культура Алтая», организованной и проведенной Институтом археологии и этнографии СО РАН в Сеуле 22.07–12.09.1995 (см. рис. 182 каталога)¹.

Долгое время каури бытуют у племен Тибета. В 1955 г. корреспондент газеты «Дейли Уоркер» Алан Уиннигтон отметил в национальном женском наряде тибетцев наkosник в виде «лоскута домотканой материи, прикреплявшегося к кончикам... косичек и свисавший от плеч до пят», на который были нашиты «монеты, а также раковины каури [Воронов, 1986: 66–67].

У народов Средней Азии каури входили в состав древнейших амулетов-фетишей, найденных в захоронениях Ферганы [Брыкина, Трунаева, 1995: 75, рис. 2.-15]. Как минимум две раковины были получены при раскопках на крупнейшем зороастрийском «античном» центре — городище Тахти-Сангин в Таджикистане (IV–III–II вв. до н. э.). Авторы публикации полагают, что «овальные раковины с отверстиями в центре» являлись «наглазниками» [Литвинский, Пичикян, 1981: 205]. Также они известны в Ташкентском оазисе и в Хорезме в комплексах III в. до н. э., затем их «почитали ... в средние века». В этнографическое время каури носили на одежде жители Хорезма, таджики и киргизы. Ассортимент украшений с участием каури был очень широк, превалируя преимущественно в детской сфере — подвески к концам бус на косах у девочек, ожерелья из бус, подвески к колыбелям. Таджики, жители Ферганской долины и Хорезма, изделия с каури считали оберегами, предохраняющими от дурного глаза, пусть даже раковина была в единственном экземпляре. Точно так же казахи употребляли каури в качестве охранительных талисманов, называя их *змеиная голова*. Киргизы, в свою очередь, почитали бусы и браслеты, изготовленные из каури вперемешку с нефритом и другими полудрагоценными камнями [Борозна, 1975: 288–289]. По наблюдениям Л. А. Чвыря, доисламские воззрения или их остатки проявляются у уйгуров, таджиков и узбеков в виде обращений к каури и другим предметам, «явно наделенным архаической защитной символикой» [Чвырь, 2006: 152].

Ранние образцы каури, обсуждение их «доместикации» и семантики

По данным П. М. Кожина, интерес к раковинам человек начинает проявлять с эпохи палеолита [Кожин, 2016: 8], и тогда же каури стали попадать в погребения людей [Трифанова, Соёнов, 2019: 54]. К сожалению, авторы не указали источник, послуживший такому утверждению, но предложенная тема вполне имеет продолжение. Б. Л. Богаевский писал, что первые следы присутствия раковин *ципрей* вместе с человеком обнаружены в мадленской Пещере гарпунов и на скелете в пещере Барма Гранде в Гримальди [Богаевский, 1931: 3]. По данным С. Кучеры, почитание каури в китайской археологии также восходит к палеолиту [Кучера, 1977: 42].

В контексте изучения ранних каури большой интерес представляют находки в пещере Мас д'Азиль близ одноименной деревни Южной Франции. В 1887–1889 гг. Эдуар Пьетт исследовал восьмиметровый слой культурных отложений, где обнаружил плоские гальки, раскрашенные с одной стороны окисью железа. Среди множества геоме-

¹ Каталог издан на корейском языке и лишь на первой обложке можно прочесть «The Altai culture». Фотографии аннотированы на корейском и английском языках, позволяя идентифицировать предметы на фото.

трических рисунков имеется мотив из пары параллельных полос с зубчатым краем по внутренней стороне, сильно напоминающий разрез на лицевой стороне натуральной каури.

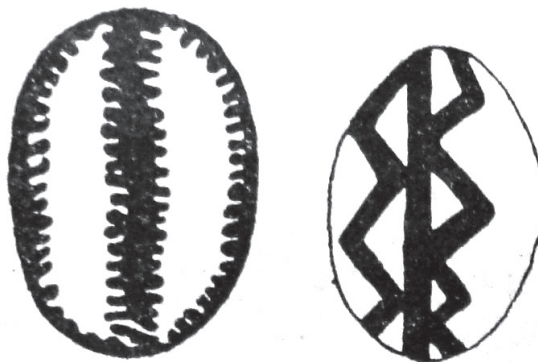

Рис. 5. Рисунки на гальках из Мас д'Азиль [Осборн, 1924: рис. 110]
Fig. 5. Pictures on the pebbles from the Grotte du Mas d'Azil [Osborne, 1924; fig. 110].

Уже первые находки с росписями получили разнообразные трактовки, включая суждение о примитивной иероглифики [Обермайер, 1913: 246–251; Осборн, 1924: 359–360, рис 110; Богаевский, 1931: 22; Мириманов, 1973: 151–153, 305–306; Руссо, 2003: 12, рис. 13.-1; Толксдорф, Крафт, Шмидт, 2018: 72]. Эдуар Пьет отнес азильские находки, в числе которых были и «расписные гальки», к верхнему палеолиту. Точнее, к «переходному периоду» от мадлена к неолиту, обозначив его специальным термином «Азиль»². Исследования комплекса продолжились в XX в.: в 1901–1902 гг. А. Брейлем, а в 1935–1944 гг. супругами Сен-Жюста и Марты Пекар. В 1985 г. Клод Куро насчитал в 20 музеях мира 1400 экземпляров таких галек [Толксдорф, Крафт, Шмидт, 2018: 74].

Практически вслед за азильскими гальками натуральные каури появляются в культурном слое Афразийского протогорода «Иерихон А» (VIII тыс. до н.э.). Земледелие, которым занимались горожане, создавало избыток продуктов достаточный не только для содержания вождей и других представителей непродуцирующей сферы, но и для обмена. В инвентаре памятника найдены «абсидиан из Анатолии, бирюза из Синая, раковины каури из районов около Красного моря)...» [Николаева, Сафронов, 1999: 162]. Несколько позже в Северной Месопотамии появляется поселение неолита и энеолита «Арпачия (Тель-Арпачия, Тепе-Решва) ... на территории современного города Мосул в иракской провинции (мухафазе) Найнава». Памятник находится в 6 км от более позднего города Ниневия, в местности с персидским названием Тепе-Решва (холм Ре-

² В Глоссарии палеолитического искусства за авторством Алена Руссо имеется уточнение: «Эпоха и культура, следующая за мадленской эпохой, когда наступает период умеренного климата настоящего времени. Это переходный период и для окружающей среды, и для образа жизни, и для материальной культуры. Фигуративное искусство почти исчезает за некоторыми исключениями. Для азильского искусства характерны галечные орудия с гравированными и живописными геометрическими мотивами» [Руссо, 2003: 12].

шва). «Тель был населён в халафский и убейдский периоды... 5500 лет до н. э.». В городе найдены «бусы, где ромбы из черного обсидиана чередуются с раковинами каури» [Заря человечества, 1998: 138–139].

Заметный след каури в западноевропейской культуре проложили кельты, изобразив в I в. до н. э. эти раковины на своих золотых монетах. Несколько позже римский император Калигула (37–41 гг.) безуспешно пытался объявить местные раковины деньгами, возродив тем самым древнюю практику хождения средиземноморской монеты-каури, именованной «кипрской» монетой [Воронов, 1986: 66, 69, 70]. По сведениям Б. Л. Богаевского, «каури были известны также в неолите Крита и встречались изредка в погребениях микенского периода» [Богаевский, 1931: 3].

На противоположной стороне континента, на Дальнем Востоке, в ряду ранних носителей каури, безусловно, стоит Китай, где раковины делятся на два больших блока по функциональному и семантическому признаку. Первый — это чисто метафизический знак, возводивший раковину в сакрализованый символ Богини, возникший в эпоху камня в парадигме духовного смысла. Слегка забегаая вперед, отметим, что так ставит вопрос Морис Годелье, признавая вслед за людьми новогвинейского племени *толаи*, каури-деньги более «тяжелыми», более «духовными», чем национальная валюта *кина*, которую они находят недостаточно «духовной» [Годелье, 2007: 198]. Сходная духовность формирует в Китае особое отношение к каури, отраженное в разных сферах жизни древнего и традиционного китайского общества. Б. Л. Богаевский писал, что каури были найдены в погребениях нескольких периодов Ганьсу вперемешку с медными изделиями, бусами из мрамора и полудрагоценных камней, например бирюзы [Богаевский, 1931: 2]. Однако почитание каури восходит к неолиту Китая, когда раковины каури стали одним из любимых элементов орнамента керамики культуры яншао [Кашина, 1978: 194], где прототипами для создания сложных мотивов послужили натуральные образцы, зарегистрированные в недалеком прошлом при раскопках захоронений носителей этой культуры.

1

2

Рис. 6. Каури на неолитической керамике яншао (1, 2)

Fig. 6. Cowrie on the neolithic Yangshao pottery (1, 2)

Позднее знаки каури послужили формированию ранней иероглифики, в которой каури явились изначальным символом Богини, сопровождавшим патронессу еще из палеолитических времен [Кучера, 1977: 42, рис. 10.-4].

К этому же выводу склоняет древнее начертание китайского иероглифа *бэй*, являющее собой не что иное, как стилизованное изображение раковины каури с моллюском внутри [Быков, 1969: 4; Нестеренко, 2002: 23]. В контексте данного осмысления уместно тонкое замечание М. Элиаде: «..на определенном уровне культуры весь мир, мир «природный», так же, как мир предметов и вещей, изготовленных человеком, оказывается сексуализированным» (цит. по: [Цивьян, 1991: 78]). Ему вторит автор словаря символов, где он пишет о каури: «Это символ водный, женский и сексуальный по своему характеру: уподобляется женским гениталиям, раковина связывается с плодородием и плотской любовью...» [Словарь..., 2006: 164]. На причину популярности каури весьма прозрачно указал Л. Я. Штернберг, написавший следующие слова: «Примитивный человек, добывая их издалека, очень дорожил ими, ибо каури напоминают женский орган и считались поэтому охраной против злых духов, и понятно, что чем больше этих каури, тем больше человек будет в безопасности» [Штернберг, 2012: 206]. Данную точку зрения поддерживал Б. Л. Богаевский, словами которого «каури... обладали... ясно выраженным магико-религиозным и символически-эротическим значением различного содержания» [Богаевский, 1931: 3].

В западноевропейской науке сформировался диапазон суждений о каури, обобщенный в одной фразе Джека Тресиддера: «Вульва; источник жизни. Среди первобытных народов красивая, по форме напоминающая полуоткрытые губы раковина этого моллюска была наиболее широко распространенным природным амулетом от бесплодия и дурного глаза. Золотая каури — знак высокого положения на островах Фиджи и Тонга. Ожерелье из каури использовалось как в торговле в качестве денег, так и в ритуальных целях. Ассоциации с плодородием, сексуальными удовольствиями и удачей сделали раковины каури желанным амулетом в Африке и в других регионах, часто довольно удаленных от мест, где они были собраны. Как траурная эмблема или элемент женских украшений, она может означать и смерть, и жизнь. Считается, что ее мистическая сила действует еще очень долго после смерти моллюска» [Тресиддер, 2000: 302; Словарь..., 2006: 164; Орел, 2003: 423, 424].

Все приведенные выше причины популярности каури в культурах мира в полной мере соотносятся с культурами Китая, ставшими ключевым звеном в цепи возвышения раковины на Дальнем Востоке. Применительно к китайцам П. М. Кожин писал: «...раковины *каури* воспринимались, в частности, как символ плодородия» [Кожин, 2016: 9]. Особую популярность каури приобрели в эпоху бронзы в общинах речных бассейнов Индокитая. Затем, разносясь по торговым путям, они стали попадать в Восточную Азию, где в бассейне Янцзы их недостаток восполняется изготовлением имитаций из кости, камня, бронзы. Через Сычуань и Ганьсу они достигают бассейна Хуанхэ, где вместе с разнообразными их имитациями ... становятся важной составной частью культуры шан-иньского и чжоуского населения» [Кожин, 2016: 9].

В древностях ранних царств Инь и Чжоу женские символы в виде каури имели хождение вплоть до расширения функции мерил стоимости, т. е. примитивных денег, ко-

гда они стали постепенно утрачивать свое изначальное ритуальное значение. «На передний план все более определенно стали выступать как мужское начало, так и идея гармонического взаимодействия и плодотворного слияния обоих начал, мужского и женского» [Васильев, 2001: 48]. В связи с появлением каури в ряду мерил ценности и стоимости интересна дифференциация понятийного ряда первобытных денег, предложенная Карлом Вейле: «По назначению и материалу все деньги первобытных народов делятся на деньги-украшения, деньги одежду, пищевые деньги и металлические деньги. Из денег-украшений древних времен наиболее распространен род улиток каури, которые собираются у Мальдивских островов, расположенных к юго-западу от Индостана и острова Мафия у побережья Восточной Африки...» [Вейле, 1923: 107; Богаевский, 1931: 2; Косых, Ковычев, 2020: 10]. Исследователь китайской культуры Вильгельм Грубе полагал, что уже в ипостаси заменителя денег каури ведет отсчет из глубокой древности [Грубе, 1912: 225]. Данное мнение подкрепили археологические исследования, показавшие, что товарно-денежные отношения царства Шан (Инь на территории современной провинции Хэйбей) достигли высокой стадии уже в середине II тыс. до н. э. При этом после XIV в. до н. э. мерилем стоимости у шанцев явились каури [Нестеренко, 2002: 7]. В южно-китайских морях каури попадаются редко, поэтому в массе своей они поступали с Мальдивских островов, именовавшихся «островами каури», в древнекитайское государство Шан-Инь (по имени народности «шан» и названию последней столицы — города Инь; 1600/1554–1046 гг. до н. э.), «где они приобретали функции денег и участвовали в торговых сделках» [Косых, Ковычев., 2020: 9,10]. При этом уже на ранней стадии возникновения денежных знаков раковина приобретает иероглифическую знаковую графику в значении «ценность» [Богаевский, 1931: 22]. Данное понятие нашло отражение в иероглифе «бэй», воспроизводящем стилизованное изображение каури, структурно входящее в иероглиф «цзянь» — деньги, а также в другие письменные знаки, связанные с понятиями *цена, дорогой, дешёвый, торговать* и т. д. [Воронин, 1986: 67].

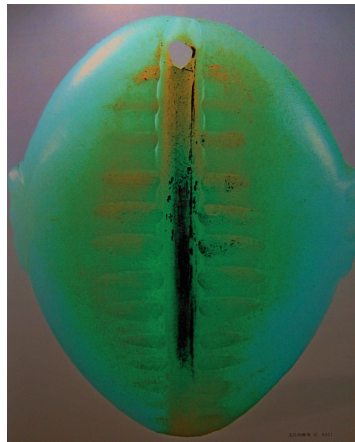

Рис. 7. Имитация каури из нефрита. Царство Шу, XI–IV вв. до н. э. [Золотой песок..., 2005: 95]
 Fig. 7. Cowrie imitation made of jade. Shu kingdom, XI–IV centuries BC [Golden sand..., 2005: 95]

В числе ранних китайских имитаций, относимых к эпохе бронзы, числится нефритовый образец из царства Шу на западе Сычуаньской котловины, существовавшего ориентировочно с XI по IV в. до н. э., когда в 316 г. до н. э. оно пало под ударами царства Цинь [Золотой песок..., 2005: 94–95].

Тогда же получила начало традиция отливки каури из бронзы [Кашина, 1978: 194].

Рис. 8. Имитации каури из медных сплавов. Период древних царств
Fig. 8. Cowrie imitation made of copper alloys. Ancient kingdoms period

Рис. 9. Мумия шамана племени туши. Хуннское время. Музей Турфана
Fig. 9. Shaman mummy from Tushi tribe. Xiongnu period. Turfan Museum

Культурная активность «китайских» каури отмечена в древностях, синхронных сибирским памятникам: сначала это экземпляры из комплекса Чунцзяюй северокитайских памятников шилоусского типа с «карасукскими» ножами [Варенов, 2005: 88, рис. 4.-17], соотносимые с позднебронзовыми древностями Средней Сибири (карасукская культура). Далее следуют некрополь Ойхуанмяо, соответствующий раннескифскому времени (VII–VI вв. до н. э.) и Маоцингой, созвучный следующему «скифскому»

этапу (V–III вв. до н. э.). Любопытно, что, помимо преобладающего числа натуральных каури, в первом из могильников найден экземпляр каури из золота и три имитации из кости [Шульга, 2015: 297, рис. 126]. Кроме реальных раковин в некрополе Шичжайшаня царства Дянь (IV в. до н. э. I в. н. э.) обнаружены их изображения на бронзовой пластине [Итс, 1972: 13]. В Турфанской впадине на северо-западе Китая изучена мумия мужчины (шамана) в возрасте 40 лет, оставленная иранским по языку народом *туши* (*дюши*), который в I в. до н. э. был покорен одновременно ханьцами и хуннами, поделившими их территории. На лобной части черепа зафиксирован фрагмент украшения головного убора в виде полоски из четырех каури.

В науке существует дискуссионное мнение, причисляющее неопределенные мелкие предметы из древних могил (кольца, спирали, колесики, наконечники стрел, крючки и т. п.) к разряду денег [Воронов, 1986: 61–62]. Однако известны и общепризнанные эквиваленты стоимости, появившиеся с возникновением развитых товарно-обменных отношений. Это скот, металлические прутки и другие мерилы цены. Отечественный ученый-нумизмат В. М. Потин писал, что «товары, использовавшиеся в качестве денег... называются товаро-деньгами или примитивными деньгами... в Эрмитаже хранятся железные прутья, куски соли, плитки чая, наконечники копий, раковины каури и т. п.» [Потин, 1986: 74]. Находки в памятниках Китая убедительно доказывают, что параллельно с древним ритуалом символизации богини развивается иная линия почитания каури — денежная. Самая многообразно представленная градация такого рода денег выявлена в китайской монетной системе. Здесь бытуют «монеты» в форме лопаты, мотыги, колокольчика, музыкальной пластины, ножа, ключа [Быков, 1969: 7–9, табл. II–VI; Воронов, 1986: 61–65; Потин, 1986: 74; Косых, Ковычев, 2020: 18]. Интересно, что при династии Цин (221–205 гг. до н. э.) император Ши Хуан-ди (246–210 гг. до н. э.) для облегчения торговли упростил денежное обращение, запретив меновую торговлю, где мериллом стоимости выступали каури. Отменились и все другие формы архаических денег. Взамен были выпущены круглые монеты с квадратным отверстием в центре, подобно известным в предшествующую эпоху Джоу, в царствах «Западная Джоу» и «Восточная Джоу» [Быков, 1969: 10–11]. Однако каури сохранили свою нишу в народной культуре, оставаясь магическим средством от бед и несчастий.

Согласно данным литературы каури широко используются в китайской материковой и островной этнографии. К примеру, вплоть до современности они входят в расшивку головных уборов и перевязей коренных обитатели Тайваня [Ожередов, 2022: 86, рис. 3.-5].

В науке бытует мнение, что из Китая каури попали в Японию, Корею, Индию, Таиланд, Филиппины. В Индии наибольшего распространения каури достигли в IV–VI вв. и сохранились вплоть до середины XIX в. [Квашин; Косых, Ковычев, 2020: 10], а в соседнем Пакистане функционировали еще в конце XX в.

В XVII столетии каури употреблялись в виде мелкой монеты в Индостане и Индокитае, на Филиппинах их заменили медными монетами только к 1800 г., а в Сиаме они были в ходу до 1860-х гг. Со временем место раковин занимают европейские никелевые и серебряные монеты [Вейле, 1923: 107].

Рис. 10. Тайванец. Фото 1910–1930 гг.
Fig. 10. A taiwan man. Photo 1910–1930;

Рис. 11. Тайванка. Фото 2005 г.
Fig. 11. A Taiwan woman. Photo 2005.

Рис. 12. Женщина племени калаш. Пакистан
Fig. 12. A woman from Kalash tribe. Pakistan

Не меньшую древность проявляют каури на соседних континентах. В Северной Америке они научно зарегистрированы в этнографии индейцев прерий. Лео Фробениус сообщал: «В Америке мы находим их в виде знаменитых поясов «вампумов», произошедших, вероятно, из шнурков, с нанизанными на них разноцветными раковинами, «предназначенными для украшения шеи и рук; вначале они служили только для украшения,

а потом стали обращаться в стране, как настоящие деньги» [Фробениус, 1914: 32, 38–40]. Помимо этого, в этнографии Северной Америки XIX в. каури известны на головных уборах воинов. Один из таких образцов хранится в Канадском музее цивилизации [Пономаренко, Дик и др., 2007: 151].

Своего триумфа каури достигли в Африке, где изначально, как в Китае и Северной Америке, их используют в качестве сакральных изделий, апотропеев, на что указывает, например, маска-наголовник народа *бамбара*, хранящаяся в Кунсткамере [Мали, 1986: 425]. Здесь же боевые щиты воинов Бенина, причудливые прически племени *нтум* в южном Камеруне, пояса, передники, ожерелья и головные повязки нилотов, украшенные каури [Богаевский, 1931: 4].

Рис. 13. Женщина. Западная Африка
Fig. 13. A woman. Western Africa

К такому же выводу склоняет нарратив Дж. Дж. Фрэзера, отметившего в описании ритуала умиловления духа дерева у центральноафриканского народа *баганда*, что перед рубкой дерева в жертву духу приносили подарок в виде козы, пива и нескольких каури. Раковины обвязывали вокруг ствола, пиво выливали в корни дерева и туда же стекала кровь козы [Фрэзер, 2014: 117].

Традиция сакрализации каури довольно рано находит место в южной зоне Средиземноморья, где раковины встречены в неолите Крита и изредка попадались в микенских погребениях. На «черном» континенте они документированы уже додинастическими погребениями Египта, а в памятниках XII династии найдены экземпляры, отлитые из золота [Богаевский, 1931: 3].

Ассоциации с плодородием, сексуальными удовольствиями и удачей сделали раковины каури желанным амулетом в африканском и в других регионах, часто до-

вольно удаленных от мест, где они были собраны [Тресиддер, 2001: 302–303]. Однако апофеоз африканских каури связан с работорговлей, где они являлись одним из основных средств для расчета при покупке черных рабов. Наибольшее распространение каури получили в Западной Африке. Лагос на западе и Занзибар на востоке служили воротами в самый центр материка, где все северное побережье Виктории-Ньянсы, Судан и побережье Верхней Гвинеи были переполнены этим товаром. Историки посчитали, что только в Тимбукту находилось в обороте около 75 млрд раковин. И это неувидительно при темпах тогдашней инфляции. В XVII в. раб стоил 60 каури, а спустя столетии в Гвинее за него платили уже 80000 раковин [Вейле, 1923: 107–108; Воронов, 1986: 67].

По наблюдениям европейцев, при покупках раковины отмеривали вместительными стандартными по объему сосудами или мешками, значительно облегчавшими подсчет больших сумм, отнимавших много времени. По этой же причине «на востоке Африки и в Верхней Гвинее их нанизывали на шнурки, а в землях Фульбе отсчитывали по пяти и укладывали затем в кучки из 200 и 1000 штук. В XIX столетии 700000 каури оценивались в 330 талеров, т. е. один талер равнялся 2120 раковинам. Несколько дороже они ценились в Дагомее: цена 100 штук равнялась 2,2 маркам. «Эти деньги очень удобны, — острит английский путешественник, — для того, чтобы унести 2 фунта стерлингов, надо нанять человека» [Вейле, 1923: 107–108; Воронов, 1986: 66]. Во внутриплеменной торговле цены были гораздо ниже, в 1700 г. в Уганде жена оценивалась всего в две ракушки [Косых, Ковычев, 2020: 10].

Примеры, послужившие пониманию переходной стадии от раковин-амулетов к раковинам-деньгам, обнаружены в XIX в. у народов тропической зоны. Люсьен Леви-Брюль отметил, что люди племени *бангала* в Верхнем Конго ставят в один ряд такие «прекрасные товары», как «каури, жемчужины и «*митак*», предметы, одинаково служившие мерилем ценности [Леви-Брюль, 2002: 306]. Позднее некое подобие сближения раковин с деньгами выявлено в обществах, изученных археологами. К примеру, ранее отмеченные случаи нахождения каури и их имитаций вместе с китайскими бронзовыми монетами в хуннских захоронениях Забайкалья или пребывание каури в составе монетных кладов «северо-восточной Европы и на Руси», где они находились в перемешку с кувшинскими и европейскими монетами [Спаский, 1970: 71]. Поэтому их справедливо считают первой фарфоровой валютой Китая, имевшей большую ценность, не утраченную до настоящего времени [Косых, Ковычев, 2020: 10].

Четкой хронологической грани ухода каури-украшений из чисто ритуальной сферы в денежную никто указать не может. Вероятно, ее и не было, так как переход от каури — магического талисмана к каури — унитарной монете — так и не завершился, ибо металлические деньги имели метафизическую составляющую, обусловленную сакральностью материала, являющего тот или иной платежный знак. Во всех случаях срабатывал механизм сакральности предмета: в одном случае — это магия раковины — знака Богини, в другом — магия «красного» металла, меди (ее сплавов) и золота (позолоты). Прежняя и новая функции фактически слились в единый образ сакрального мерилла стоимости, обладателя магической силы, породившего расхожую метафору — сила в деньгах. Причем признанная магическая, а не условная финансовая сила.

Символом бурного африканского прошлого каури стала алюминиевая монета достоинством в 50 каури, выпущенная Гвинеей в 1971 г. На аверсе монетного кружка отчеканена раковина каури. В современной Гвинее денежная единица называется *седи*, что в переводе с языка *ашанти* означает «раковина» [Каури в Новой Гвинее].

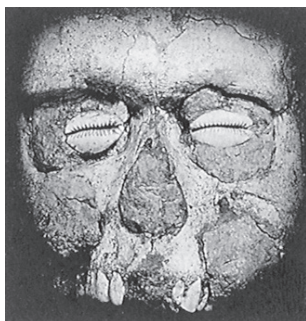
Рис. 14. Монета 50 каури. Новая Гвинея, 1971 г. [Воронов, 1986: 70]

Fig. 14. 50 cowrie coin. New Guinea [Voronov, 1986: 70]

Как упоминалось выше, в раннеантичные времена в Средиземноморье была известна монета-каури, именовавшаяся «кипрской» монетой [Воронов, 1986: 69]. В литературе пока нет единого мнения о какой-либо связи между средиземноморским и дальневосточным центрами происхождения денег-каури. Но трудно оспорить древность торгового коридора между Передней Азией (Месопотамия), ранними государствами Индии и Дальним Востоком, «пробитого» вдоль побережья Индийского океана задолго до похода Александра Македонского. Его наличие дает повод предполагать если не единство, то сходство финансовых систем востока и запада.

В истории «культурной» каури большое место занимают имитации раковин, изготовленные из материалов природного и искусственного происхождения. К первым относятся поделки из раковин более крупного размера, ко вторым — изделия из мягкого (белого) камня и «красных» металлов — золота, меди и ее сплавов, иногда позолоченных. «Имеются «каури» шестиугольной или овальной формы, с плоским основанием, которые, надо полагать, также воспринимались как деньги» [Косых, Ковычев, 2020: 13]. По свидетельствам исследователей, на отдельных территориях, например в Хакасии, каменных имитаций найдено больше, чем природных каури [Ожередов, 2002: 81]. Сторонники идеи «монетизации» каури склонны считать имитации денежными прототипами, особенно в китайской и прилегающей к ней сибирской зоне, где их найдено более всего [Воронов, 1986: 67–68]. Можно подумать, что тем самым увеличивали «денежную» массу на территориях, где имелся недостаток в натуральных каури-монетах. Однако до появления серьезных исследований говорить на эту тему еще рано.

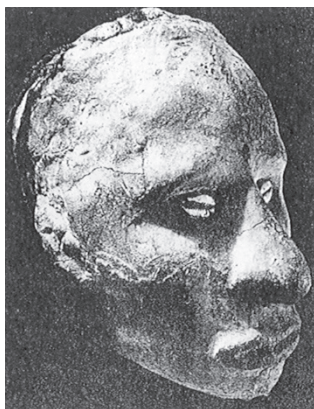
Помимо двух главных функций — амулета-знака богини и денежных номинантов, раковины послужили магическим средством в погребальном обряде, где их использовали для изоляции глаз умерших. Впервые в такой роли засвидетельствованы каури из некрополя Иерихона, послужившие магическим средством в захоронениях с «моделированными черепами».

*Рис. 15. Моделированный череп с каури в глазницах из Иерихона
[Медникова, 2005: рис. 43]*

*Fig. 15. A modelled skull with cowrie shells in the eye sockets from Jericho
[Mednikova, 2005: fig. 43]*

Считается, что в глазницы их вставляли с целью символической защиты умерших. Сходные процедуры проделывали с головами умерших обитатели Новой Гвинеи [Медникова, 2004: 160, 163, рис. 43, 44] и *даяки* острова Борнео, использовавшие эти черепа еще и в качестве денег [Вейле, 1923: рис. 25]. Вероятно, к данной традиции относится обычай племен Камеруна изображать глаза на ритуальных масках в виде каури, а резчики Конго таким же способом изображали глаза у культовых статуэток [Богаевский, 1931: 4]. В Средней Азии традиция закрывания глазниц раковинами каури известна в Таджикистане, где при раскопках городища Тахти-Сангин встретили две упомянутые выше «овальные раковины с отверстиями в центре», атрибутированные как «на-глазники» [Литвинский, Пичикян, 1981: 205].

*Рис. 16. Моделированный череп с каури в глазницах из Новой Гвинеи
[Медникова, 2005: рис. 44]*

*Fig. 16. A modelled skull with cowrie shells in the eye sockets from New Guinea
[Mednikova, 2005: fig. 44]*

Уместное данному обычаю объяснение обнаруживается в сибирской этнографии: каури на шаманском костюме эвенков символизировали закрытые входы в страну мертвых (*буни*) [Анисимов, 1958: 178]. Таким образом, раковины в глазницах покойных препятствовали выходу душ мертвых в мир живых людей. Точно так же, как специальные лицевые приспособления (пластинки из цветного металла, монеты и т. п.), имевшие применение на обширной территории Евразии (см. подробнее: [Ожередов, 2013: 161–163]). Впрочем, существует и другое мнение, согласно которому их назначение — препятствовать проникновению в тело мертвого злых духов. Китайцы видели этих ирреальных существ в образе муравьев, поэтому, чтобы предотвратить их движение в тело умершего, в ноздри покойников вставляли «магические пробки» в форме бронзовых подражаний каури [Быков, 1969: 5; Косых, Ковычев, 2020: 14].

Другая погребальная традиция возводит каури в условный статус «обола Харона». В подражание китайской практике помещения различных сакральных предметов в рот, нос и уши умершего хунну в Западном Забайкалье стали использовать раковины. В Дерестуйском некрополе в рот умершей вложили каури [Косых, Ковычев, 2020: 14]. В ряде стран Африки раковину, подобно медной монете, клали на рот умершего. Такой ритуальный порядок принимали Мадагаскар, Багирми, племя Бакуба и др. [Анучин, 1890: 104]. Следует отметить, что данный вариант имеет примеры первого типа, когда рот закрывали с целью воспрепятствовать перемещению злых сил [Ожередов, 2013: 161, 162, 163], точно так же, как китайцы медными отливками, имитирующими каури, «запирали» ноздри умерших.

Заключение

В завершение исследования обозначу несколько основных выводов по хронологическо-географической локализации и семантике каури в культурах земного шара. Из четырех заселенных человеком материков на трех обнаружены раковины каури, игравшие заметную роль в культурной жизни многих племен и народов. Помимо материковой суши, огромное число каури имеется у островных народов Большой Океании, где они, по воззрениям поселенцев, обладают теми же метафизическими свойствами, которые привлекли внимание обитателей материков. Повсеместно наблюдается первобытное поклонение каури с использованием ее в качестве амулета (талисмана), а позднее денежной единицы. Хронология каури уходит в палеолит, свидетельствуя о глубокой древности «доместикации» этой раковины с введением ее в культурную жизнь человека. Не меньшую древность обнаруживает семантика каури: во-первых, это приписываемая амулету магическая сила, обусловленная принадлежностью к сакральной сущности Богини. Во-вторых, метафизические силы металлов или камней, служивших сырьем для изготовления имитаций. Яркими тому примерами стали красные и желтые металлы — золото и медные сплавы, а из минералов наиболее самобытно представлен священный камень китайцев — нефрит.

На основании единства мировоззрения человечества в рамках глобального натурфилософского осмысления природы и общества, можно предполагать, что представления сибирских обитателей, включая нарымских селькупов, принципиально не отличалось от воззрений других народов мира. Однако в силу архаического состояния хо-

заявленных и общественных отношений, функциональная роль каури в таежных коллективах не развилась далее первой стадии, т. е. использования каури в качестве амулетов-апотропеев, обеспечивавших безопасность от угроз со стороны инаковых сил потустороннего мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Албегова З. Х. Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // Российская археология. 2001. № 2. С. 83–96.

Анисимов А. Ф. Религия эвенков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 238 с.

Анучин Д. Н. Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд. М. : Типография и Словолитня О. О. Гербек, 1890. 146 с.

Байпаков К. М., Воякин Д. А. Исследование комплекса Талтакой // Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. 2003. № 1 (239). С. 108–125.

Богаевский Б. Л. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья // Известия ГАИМК. Л., 1931. Т. VI, вып. 8–9. 101 с.

Боканов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск : Рифей, 2008. 672 с.

Борозна Н. Г. Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М. : Наука, 1975. С. 281–297.

Брыкина Г. А., Трунаева Т. Н. Идолы в захоронениях Ферганы // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 75–87.

Быков А. А. Монеты Китая. Л. : Советский художник, 1969. 80 с.

Варенов А. В. К датировке северокитайских памятников шилоусского типа с «карасукскими» ножами // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 79–90.

Василевич Г. М. Материальная культура среднеамурских эвенков (по коллекциям музеев Ленинграда) // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л. : Наука, 1977. С. 106–137.

Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М. : Восточная литература РАН, 2001. 488 с.

Вейле К. Первобытное общество и его хозяйство. Пг. ; М. : Книга, 1923. 156 с.

Волкова Л. А. Удмуртские женские украшения XIX–XX вв. (этнографический обзор коллекции Удмуртского республиканского музея) // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и лит-ры Уральского отделения АН СССР, 1988. С. 25–58.

Воронина Р. Ф. Южные и степные влияния в культуре среднецинской мордвы VIII–XI вв. // КСИА. М. : Наука, 2005. № 218. С. 98–108.

Воронов Ю. П. Страницы истории денег. Новосибирск : Наука, 1986. 176 с.

Вяткина К. В. Костюм дархатской шаманки // Культура народов зарубежной Азии и Океании. М. : Наука, 1969. Т. XXV. С. 136–145.

Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н. э.). Уфа : Изд-во БГПУ, 2014. 328 с.

Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. 215 с.

Головченко Н. Н. Раковины каури как элемент поясной фурнитуры населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2014 г. Археология, этнография, устная история. 2015. Вып. 10. С. 33–37.

Годелье М. Загадка дара. М. : Восточная литература, 2007. 295 с.

Грубе В. Духовная культура Китая. СПб. : Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1912. 237 с.

Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Могилов А. Д. Курган № 3 у с. Текливка на Среднем Днестре // Восточноевропейские древности скифской эпохи: сборник научных трудов. Воронеж : Научная книга, 2011. С. 97–109.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : Изд-во. Новосибир. ун-та, 1990. 163 с.

Доде З. В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: К вопросу о методе исследования // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк : ДонНУ, 2005. Т. 2. С. 305–330.

Жамцарано Ц. Ж. Онгоны агинских бурят // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1909. Т. XXXIV. С. 379–394.

Зайцева И. Е. Погребения в детинце Серенска // КСИА. М., 2001. № 211. С. 93–107.

Заря человечества. М. : ТЕРРА : Книжный клуб, 1998. 176 с.

Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V — первая половина XIII в. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 309 с.

Итс Р. Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л. : Наука. 1972. 308 с.

Казаков Е. П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара : Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 1998. С. 97–150.

Калашникова Н. М., Плужникова Г. А. Одежда народов СССР. М. : Планета, 1990. 224 с.

Каталог коллекции музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Кемерово : СКИФ, 2004. Вып. 1. 112 с.

Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. I: Народы Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. 342 с.

Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. II: Народы СССР (кроме Сибири) и зарубежных стран. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 252 с.

Каури в Новой Гвинее. // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru/668e26b7-62c67730-b477f599-74722d776562/https/currencies.fandom.com/wiki/Guinean_50_sauri_coin (дата обращения: 15.08.2022).

Кашина Т. И. Семантика орнаментации неолитической керамики Китая // У истоков творчества (Первобытное искусство). Новосибирск : Наука, 1978. С. 183–202.

Квашин В. Г. Деньги из моря. URL: http://museumimb.ru/sea_money.html (дата обращения: 15.08.2022).

Клюева Н. И., Михайлова Е. А. Каталог съемных украшений народов Сибири (по коллекциям МАЭ) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л. : Наука, 1988. Т. XLII. С. 195–208.

Ковпаненко Г. Т. «Червона могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1984. С. 107–113.

Кожин П. М. От меновых эквивалентов к деньгам // Общество и государство в Китае. 2016. № 1. С. 7–15.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1976. 220 с.

Корусенко М. А., Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения). СПб. : Петербургское востоковедение, 2013. 264 с.

Косых В. И., Ковычев Е. В. Китайские монеты из средневековых погребений Восточного Забайкалья: история, хронология, классификация (в помощь историка-краеведам) : учебное пособие. Чита : ЗабГУ, 2020. 132 с.

Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М. : Логос, 2000. С. 314–336.

Крадин Н. Н., Данилов С. В., Коновалов П. Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток : Дальнаука, 2004. 106 с.

Краснопёров А. А. Украшения из раковин в погребальном инвентаре мазунинской культуры в Прикамье (первая половина — середина III — середина VI вв. н. э.) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень : Вектор Бук, 2007. С. 108–111.

Курьшова Н. П. Классификация бус из кочевнических погребений золотоордынского времени // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 204–215.

Кучера С. Китайская археология 1965–1974 гг.: палеолит — эпоха Инь. Находки и проблемы. М. : Наука, 1977. 268 с.

Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб. : Европейский дом, 2002. 400 с.

Левина Н. М. Джетыясарская культура. Ч. 3–4. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. 312 с.

Левина Н. М. Памятники Джетыясарской культуры середины I тысячелетия до н. э. середины I тыс. н. э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 61–72.

Липс Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М. : Иностранная литература, 1954. 487 с.

Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Тахти-Сангин — каменное городище (раскопки 1967–1978 гг.) // Культура и искусство древнего Хорезма. М. : Наука, 1981. С. 195–212.

Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М., 1968. 164 с.

Мали // Популярная художественная энциклопедия. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство. М. : Советская энциклопедия, 1986. С. 424–425.

Медникова М. Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М. : Алетей, 2004. 208 с.
Мец Ф. И. О возможном сюжете декора золотой пряжки из сарматского погребения могильника Новый на Дону // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Омск. гос. ун-т, 2004. С. 106–110.

Мириманов В. Б. Первобытное и традиционное искусство // Малая история искусств. М. : Искусство, 1973. 320 с.

Михайлова Е. А. Съёмные украшения народов Сибири // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikato_r/08/08_03/5-88431-129-x/

Нестеренко Ю. К. Созвездие Большого ковша. Чита : Поиск, 2002. 96 с.

Никитина Т. Б. Брусенихинский могильник // Археология евразийских степей. 2018. № 3. 255 с.

Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М. : Белый волк : Крафт : Облиздат, 1999. 312 с.

Обермайер Г. Доисторический человек. СПб. : Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1913. 687 с.

Ожередов Ю. И. Селькупские погребальные «маски» (к постановке вопроса) // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. Вып. 3. С. 160–164.

Ожередов Ю. И. Культурно-хронологическая локализация раковины каури у народов Западной и Южной Сибири по данным археологии и этнографии // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, № 1. С. 75–94.

Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М. : Наука, 2005. 299 с.

Орел В. Е. Культура, символы и животный мир. Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. 584 с.

Осборн Г. Ф. Человек древнего каменного века. Жизнь, среда, искусство. Л. : Путь к знанию, 1924. 528 с.

Подушкин А. Н. Археологический комплекс из катакомбы 12 могильника Культобе // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 398–408.

Пономаренко Е., Дик И. Древние кочевники Евразии и Северной Америки. Самара: Корпорация «Канадский музей цивилизации», Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 2007. 168 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества. СПб. : тип. В. Безобразова и К°, 1881. Вып. II. 181 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического Общества. СПб. : тип. В. Безобразова и К°. 1883. Вып. IV. 1026 с.

Потапов Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. М. : Нука, 1973. С. 265–268.

Потапов Л. П. Одежда алтайцев // Сборник МАЭ. Л. : Наука. 1951. Т. XIII. С. 5–59.

Потин В. М. Введение в нумизматику // Труды Государственного Эрмитажа. Л. : Искусство, 1986. С. 67–163.

Решетов А. М. Костюм маньчжурского шамана в коллекции МАЭ // Шаманизм и ранние религиозные представления. К 90-летию доктора исторических наук, профессора Л. П. Потапова. М. : Ин-т этнологии и антропологии, 1995. С. 99–107.

Риттер К. Землеведение Азии. География стран или пограничных с нею, Сибири, Китайской империи, Туркестана, Независимой Татарии и Персии. СПб. : Издано ИРГО, 1877. 749 с.

Руссо А. Глоссарий палеолитического искусства. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. 80 с.

Рябкова Т. В. Кочевники предскифского и раннескифского времени в Северном Причерноморье // Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб. : Славия, 2012. С. 50–59.

Савинов Д. Г., Членова Н. Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск : Наука, 1978. С. 72–94.

Савченко Е. И. Украшения населения скифского времени на Среднем Дону // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М. : Ин-т археологии РАН, 2005. С. 451–489.

Седов В. В. Водь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1987. С. 34–42.

Семенов В. А. Тольёнский могильник IX–X вв. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и лит-ры Уральского отделения АН СССР, 1988. С. 25–58.

Синика В. С., Закордонец Ю. А. Раковины из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // Вестник Удмуртского гос. ун-та. Серия: История и филология. 2018. Т. 28, вып. 1. С. 81–87.

Словарь символов и знаков. М. : АСТ, 2006. 164 с.

Смирнов К. Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М. : Наука, 1964. 380 с.

Смирнов К. Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. С. 165–177.

Смирнова Е. Ю. Магия в традиционном мировоззрении: по материалам традиционной одежды сибирских татар // Культурологические исследования в Сибири. Омск : Изд-во ОмГПУ, 1999. № 1. С. 92–99.

Спаский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л. : Аврора, 1970. 256 с.

Степанова Ю. В. Женский погребальный костюм XI–XII вв. по материалам курганного могильника Устье (Тверская область) // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2018. № 1: Археология. Этнография. Историческая география. С. 52–63.

Суслова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX — начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань : Фэн, 2000. 312 с.

Толксдорф И. Ф., Крафт И., Шмидт И. В. Исследования раскрашенных галек из Мас д'Азиль: история и современный этап // Universum Humanitarium. 2018. № 1. С. 69–86.

Трейстер М. Ю. Раковины морских моллюсков в погребениях кочевников азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 1. С. 22–58.

Тресиддер Д. Словарь символов. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.

Трифанова С. В., Соенов В. И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2019. 160 с.

Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М. : Наука. 2002. 300 с.

Флоринский В. М. Археологический музей Томского университета. Томск : Типолиотография Михайлова и Макушина, 1888. 155 с.

Флоринский В. М. Второе прибавление к каталогу Археологического Музея Томского университета. Томск : Типолиотография Михайлова и Макушина, 1890. С. 338–378.

Флоринский В. М. Прибавление к каталогу Археологического Музея Томского университета. Томск : Типолиотография Михайлова и Макушина, 1890. С. 157–337.

Фробениус Л. Детство человечества. СПб. : Изд. книжного магазина П. В. Луковникова, 1914. 368 с.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Новые плоды (исследование магии и религии). М. : Академический проект, 2014. 407 с.

Худяков Ю. С. Торговые и культурные связи средневекового населения Тянь-Шаня и Семиречья в VI–X вв. // Центральная Азия и Южная Сибирь: альманах. М., 2009. Т. I. С. 212–218.

Цибиктаров А. Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ : Изд-во Бурятского ун-та, 2001. 266 с.

Цибиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского ун-та, 1998. 288 с.

Цивьян Т. В. Оппозиция мужской / женский и ее классифицирующая роль в модели мира // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб. : Наука, 1991. С. 77–91.

Чவர் Л. А. Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане. М. : Восточная литература, 2006. 288 с.

Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. М. : Либроком, 2012. 592 с.

Шульга П. И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 304 с.

Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn: Rheinische Friedrich-WilhelmsUniversität Bonn, 2011. P. 349–424 (in English).

Chalikova E. A., Kazakov E. P. Le cimetiere de Tankeevka // Les anciens hongrois et les ethnies a l'Est.-Budapest, 1977. P. 21–221 (in English).

REFERENCES

Albegova Z. Kh. Paleosotsiologija alanskoi religii VII–IX vv. (po materialam amuletoy iz katakkombnykh pogrebenii Severnogo Kavkaza i Srednego Dona) [Paleosociology of Alan

religion in VII–IX centuries (based on the amulets from the catacombs in North Caucasus and Middle Don)]. *Rossiiskaia arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2001, no 2. S. 83–96 (in Russian).

Anisimov A. F. *Religiia evenkov* [The Evenks' religion]. M.: L.: Izd-vo AN SSSR. 1958. 238 s. (in Russian).

Anuchin D. N. *Sani, lad'ia i koni kak prinadlezhnosti pokhoronnogo obriada. Arkheologo-etnograficheskii etyud* [Sledge, boat and horses as the attributes of a burial rite. Archaeological sketch]. M.: Tipografiia i Slovolitnia O. O. Gerbek. 1890. 146 s. (in Russian).

Baipakov K. M., Voyakin D. A. Issledovaniia kompleksa Taltakoi [Taltakai complex research]. *Izvestiya Nacionalnoi AN Respubliki Kazahstan. Seriya obschestvennih nauk* [Bulletin of National AN of Kazakhstan Republic. Social Sciences Seria. Almaty: "Fylym". 2003, no 1. S. 108–125 (in Russian).

Bogaevski B. L. Rakoviny v raspisnoi keramike Kitaya, Krita i Tripol'ia [Shells in painted pottery of China, Crete and Tripoli]. *Izvestiya GAIMK* [Bulletin of GAIMK]. L., 1931, Vol. VI. Is. 8–9. 101 s. (in Russian).

Bokanov S. G. *Gunny i tyurki (istoriko-arheologicheskaya rekonstrukciya)* [Xiongnu and the Turkic people (historical-archaeological reconstruction)]. Chelyabinsk: Cikir Rifei, 2008. 672 s. (in Russian).

Borisenko A. Yu., Hudyakov Yu. S. Ukrasheniia i prinadlezhnosti zhenskogo kostiuma iz pozdnesrednevekovogo pogrebeniia Choba-Bash v Gornom Altae [Jewelry and elements of female costume in late medieval burial complex Choba-Bash in the Altai Mountains]. *Drevnosti Altaya* [Altai antiquities]. Gorno-Altaysk: Gorno-Alt. gos. un-t., 2003, no. 11. S. 160–169 (in Russian).

Borozna N. G. Nekotorie materialy ob amuletah-ukrasheniiah naseleniia Srednei Azii [Some information about amulets — decorations of the ethnoses in Central Asia]. *Domusulmanskie verovaniia i obryady v Srednei Azii* [Premuslim believes and rituals in Central Asia]. Moscow: Nauka, 1975. S. 281–297 (in Russian).

Bykov A. A. *Monety Kitaya* [Coins of China]. L.: Sovetskii hudozhnik, 1969. 80 s. (in Russian).

Chvyr' L. A. *Obriady i verovaniia uigurov v XIX–XX vv.: ocherki narodnogo islama v Turkestane* [Rites and believes of the Uyghurs in XIX–XX centuries: essays on the folk Islam in Turkestan]. M: Vost. lit-ra, 2006. 288 s. (in Russian).

Dobzhanskii V. N. *Nabornie poyasa kochevnikov Azii* [Utility belts of asian nomads]. Novosibirsk: Izdat. Novosib. un-ta, 1990. 163 s. (in Russian).

Dode Z. V. Kostium kak reprezentaciia istoriko-kul'turnoi real'nosti: K voprosu o metodike issledovaniia [Costume as a representation of historical and cultural reality: to the question of research methods] *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arheologii* [Structural and semiotic research in archaeology]. Doneck: DonNU. 2005, Vol. 2. S. 305–330.

Fiel'strup F. A. *Iz obriadovoi zhizni kirgizov nachala XX veka* [On the rituals of the Kyrgyz people in the beginning of XX century]. M.: Nauka, 2002. 300 s. (in Russian).

Florinskii V. M. *Arkheologicheskii muzei Tomskogo universiteta* [Archaeological museum of Tomsk university]. Tomsk: Tipo-litografiia Mikhailova i Makushina, 1888. 155 s. (in Russian).

Florinskii V. M. *Pribavlenie k katalogu Arkheologicheskogo Muzeia Tomskogo universiteta* [Additions to the catalogue of the Archaeological Museum in Tomsk university]. Tomsk: Tipolitografiia Mikhailova i Makushina, 1890. S. 157–337 (in Russian).

Florinski V. M. *Vtoroe pribavlenie k katalogu Arkheologicheskogo Muzeia Tomskogo universiteta* [Second addition to the catalogue of Archaeological Museum in Tomsk university]. Tomsk: Parovaia Tipo-litografiia Mihailova i Makushina, 1890. S. 338–378 (in Russian).

Frazer J. G. *Zolotaya vetv'. Novie plodi (issledovaniya magii i religii)* [The Golden Bough. New fruit (a study of magic and religion)]. M.: Akademicheskii prospect, 2014. 407 s. (in Russian).

Frobenius L., *Detstvo chelovechestva* [Humanity's childhood]. SPb: Izdanie knizhnogo magazina P. V. Lukovnikova, 1914. 368 s. (in Russian).

Garustovich G. N., Ivanov V. A., *Materiali po arheologii srednevekovih kochevnikov Yuzhnogo Urala (IX–XV vv. n. e.)* [Archaeological materials of medieval nomads in South Ural Region (IX–XV centuries AD)]. Ufa: Isd-vo BGPU, 2014. 328 s. (in Russian).

Goldina R. D., Kananin V. A. *Srednevekovye pamiatniki verkhov'ev Kamy* [Medieval monuments of the upper reaches of the Kama]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. gos. un-ta, 1989. 215 s. (in Russian).

Golovchenko N. N. *Rakoviny kauri kak element poiasnoi furnitury naseleniia Verkhneobskogo basseina epokhi rannego zheleza* [Cowrie shells as an element of belt accessories of the people from upper reaches of the Ob' in early Iron Age]. *Polevye issledovaniia v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae 2014 g. Arkheologiya, etnografiya, ustnaia istoriya* [Field research in near Irtysh region, near Ob's region and in Altay in 2014. Archaeology, ethnography and oral history]. 2015. Is. 10. S. 33–37 (in Russian).

Godelle M. *Zagadka dara* [The mystery of the gift]. M.: Vostlit., 2007. 295 s. (in Russian).

Grube V. *Duhovnaia kul'tura Kitaia* [Spiritual culture of China]. Spb.: Izd-vo Brokgauz i Efron. 1912. 237 s. (in Russian).

Gucal A. F., Gucal V. A., Mogilov A. D. *Kurgan N3 u s. Teklivka na Srednem Dnestre* [Burial mound N3 near the village Teklivka in middle Dneestr] // *Vostochnoevropeiskie drebnoti skifskoi epokhi: sbornik nauchnih trudov*. Voronezh: IPC “Nauchnaya kniga”, 2011. S. 97–109 (in Russian).

Ivanov A. G. *Etnokulturnie i ekonomicheskie svyazi naseleniya basseina r. Chepci v epokhu srednevekov'ya: konec V — pervaya polovina XVIII v.* [Ethnocultural and economic relations in Chepci River valley in the Middle Ages: late 5th century — first half of 18th century] Izhevsk: Udmurtskii institute istorii, yazika i literature UrO RAN, 1997. 309 s. (in Russian).

Its R. F. *Etnicheskaya istoriya iuga Vostochnoi Azii* [Ethnic history of the south of the Eastern Asia]. L. Nauka. 1972. 308 s. (in Russian).

Kalashnikova N. M., Pluzhnikova G. A. *Odezhda narodov SSSR* [Clothes of the USSR people]. M. Planeta. 1990. 224 s. (in Russian).

Katalog etnograficheskikh kollektsii Muzeia arheologii i etnografii Sibiri Tomskogo universiteta [Catalogue of ethnographic collections in the Museum of archaeology and ethnography of Siberia in Tomsk university]. Ch. 1. *Narodi Sibiri* [Siberian ethnoses]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1979. 342 s. (in Russian).

Katalog etnograficheskikh kollektsii Muzeia arheologii i etnografii Sibiri Tomskogo universiteta [Catalogue of ethnographic collections in the Museum of archaeology and ethnography

of Siberia in Tomsk university]. Ch. 2. Narodi SSSR (krome Sibiri) i zarubezhnih stran [Ethnoses of USSR (except for Siberia) and foreign countries]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1980. 252 s. (in Russian).

Katalog kollektsii muzeyya "Arheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri" KemGU [Catalogue of the Museum of Archaeology, Ethnography and ecology of Siberia]. Kemerovo: SKIF, 2004. Vyip. 1.112 s. (in Russian).

Kauri v Novoi Gvinei [Cowrie in New Guinea]. Available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.668e26b7-62c67730-b477f599-74722d776562/https/currencies.fandom.com/wiki/Guinean_50_cauri_coin (accessed July 23, 2022) (in Russian).

Kashina T. I. Semantika ornamentatsii neoliticheskoi keramiki Kitaia [Semantics of Chinese Neolithic pottery ornamentation]. *U istokov tvorchestva (Pervobytnoe iskusstvo) [At the roots of art (Primitive Art)].* Novosibirsk: Nauka, 1978. S. 183–202 (in Russian).

Kazakov E. P. Kominternovskii II mogil'nik v sisteme drevnostei epokhi tiurkskikh kaganatov [Kominternovskii 2 burial complex in the system of the ancient monuments of Turkic khagans]. *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n. e. (voprosy khronologii) [Eurasian steppes cultures in the second half of the 1st millennium AD].* Samara, Samarskii oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei im. P. V. Alabina, 1998. S. 97–150 (in Russian).

Khudiakov Iu. S. Torgovye i kul'turnye svyazi srednevekovogo naseleniia Tian' — Shania i Semirech'ia v VI–X vv [Trade and cultural connections of medieval population of Tian-Shan and Semirchye in VI–X centuries]. *Tsentral'naiia Aziia i iuzhnaia Sibir' [Central Asia and South Siberia].* M. 2009, Vol. I. S. 212–218 (in Russian).

Kliueva N. I., Mikhailova E. A. Katalog s'emnykh ukrashenii narodov Sibiri (po kollektsiiam MAE) [Catalogue of the ornamentations of Siberian people (based on the collection of MAE)]. *Material'naiia i dukhovnaia kul'tura narodov Sibiri [Material and spiritual culture of Siberian people].* L.: Nauka, 1988, Vol. XLII. S. 195–208 (in Russian).

Kononov P. B. *Khunnu v Zabaikal'e [Huns in Transbaikalia].* Ulan-Ude: Buriatskoe knizhn. izd-vo, 1976. 220 s. (in Russian).

Korusenko M. A., Ozheredov Iu. I., Iarzutkina A. A. *Mifologiya sibirskikh tatar v simbolakh obrazov i veshchei (opyty prochteniia) [Siberian Tatars' mythology in symbols of images and objects (interpretation experiences)].* SPb: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2013. 264 s. (in Russian).

Kosyih V. I., Kovyichev E. V., Kitaiskie monety iz srednevekovykh pogrebenii Vostochnogo Zabaikal'ya: istoriya, hronologiya, klassificaciya (v pomoshch istorikam-kraevedam): uchebnoe posobie [Chinese coins from medieval burials in the eastern Transbaikalia: history, chronology, classification (for historians and local history researchers): a study guide]. Chita: ZabGU, 2020. 132 s. (in Russian).

Kovpanenko G. T. "Chervona mogila" u s. Fliarkovka ["Chervona burial" near Fliarkovka village]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia [Antiquities of Eurasia during the Scythian-Sarmatian period].* M.: Nauka, 1984. S. 10–7113 (in Russian).

Kozhin P. M. *Ot menovih ekvivalentov k den'gam. Istoriia i etnografiia [From exchange equivalents to money. History and ethnography].* 2016. no. 1. S. 7–15 (in Russian).

Krasnoperov A. A. Ukrasheniia iz rakovin v pogrebal'nom inventare mazuninskoi kul'tury v Prikam'e (pervaia polovina — seredina III — seredina VI vv. n. e.) [Shell decorations

in burial inventory of Mazuninskaya culture in near-Kama region (first half-middle of the III century — middle of VI century AD)]. *Ekologiya drevnykh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of the ancient and traditional societies]. Tiumen': Vektor Buk. 2007. S. 108–111 (in Russian).

Kubarev V.D. *Drevnie izvaianiia Altaia. Olennie kamni* [Ancient Altai monuments. Deer stones]. Novosibirsk: Nauka, 1979. 120 s. (in Russian).

Kubarev V.D. *Kurgany Yustida* [Burial mounds of Yustiyid]. Novosibirsk: Nauka, 1991. 190 s. (in Russian).

Kuryshova N. P. Klassifikatsiia bus iz kochevnicheskikh pogrebenii zolotoordynskogo vremeni [Classification of the bead necklaces in nomadic burials of Golden Hoard period]. *Povolzhskaya arheologiya* [Volga region archaeology]. 2012, no. 1. S. 20–4215 (in Russian).

Kuchera S. *Kitaiskaia arheologiya 1965–1974 gg.: paleolit — epoha In'*. *Nahodki i problemi* [Chinese archaeology 1965–1974: the Paleolithic — the Yin dynasty. Discoveries and issues]: M.: Nauka, 1977. 268 s. (in Russian).

Kvashin V.G. *Den'gi iz moria* [Money from the sea]. Available at: http://museumimb.ru/sea_money.html (accessed July 27, 2022) (in Russian).

Levi-Briul' L. *Pervobytnyi mentalitet* [Primitive mentality]. SPb.: Evropeiskii dom, 2002. 400 s. (in Russian).

Levina N. M. *Dzhetyasarskaia kul'tura* [Dzhetyasarskaya culture]. M.: Institut etnologii i antropologii RAN, 1994. Ch. 3–4. 312 s. (in Russian).

Levina N. M. Pamiatniki Dzhetyasarskoi kul'tury serediny I tysiacheletia do n. e. serediny I tys. n. e. [Monuments of Dzhetyasarskaya culture from the middle of the 1 millennium BC to the middle of the I millennium AD]. *Stepnaia polosna Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia* [Steppe zone of asian region of the USSR during the Scythian-Sarmatian period]. M.: Nauka, 1992. S. 6172 (in Russian).

Lips J. *Proiskhozhdenie veshchei. Iz istorii kul'tury chelovechestva* [The origin of things. The history of humanity]. M.: Inostrannaia literatura, 1954. 487 s. (in Russian).

Litvinskii B. A., Pichikian I. R. Takhti-Sangin — kamennoe gorodishche (raskopki 1967–1978 gg.) [Takhti-Sangin — stone city (excavations of 1967–1978)]. *Kul'tura i iskusstvo drevnego Khorezma* [Culture and art of the ancient Khwarazm]. M.: Nauka, 1981. S. 195–212 (in Russian).

Mali. *Populiarnaia khudozhestvennaia entsiklopediia. Arkhitektura. Zhivopis'. Skul'ptura. Grafika. Dekorativnoe iskusstvo* [Popular fine-art encyclopedia. Architecture. Fine-art. Sculpture. Graphics. Decorative art]. M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1986. S. 424–425 (in Russian).

Mazhitov N. A. *Bakhmutinskaia kul'tura. Etnicheskaia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysiacheletia nashei ery.* [Bakhmutinskaia culture. Ethnic history of Northern Bashkiria population in the middle of the I millennium AD]. M., 1968. 164 s. (in Russian).

Mednikova M. B. *Trepanatsii v drevnem mire i kul't golovy* [Trepanning in the ancient world and the cult of head]. M.: Aleteia, 2004. 208 s. (in Russian).

Mets F.I. O vozmozhnom siuzhete dekora zolotoi priazhki iz sarmatskogo pogrebeniia mogil'nika Novyi na Donu [On a possible subject of the decor on a buckle from Sarmatian burial complex Novyi at the Don River]. *Shestye istoricheskie chteniia pamiati Mikhaila Petrovicha Griaznova* [The sixth historical conference dedicated to Mikhaila Petrovicha Griaznov]. Omsk: Omsk. gos. un-t, 2004. S. 106–110 (in Russian).

Mikhailova E. A. *S'emnye ukrasheniia narodov Sibiri* [Detachable ornaments of Siberian people]. Elektronnaia biblioteka Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) [Digital library of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)]. Available at: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/ (accessed July 29, 2022).

Mirimanov V. B. *Pervobytnoe i traditsionnoe iskusstvo. Malaia istoriia iskusstv.* [Primitive and traditional art. Minor art history]. M.: Iskusstvo. 1973. 320 s. (in Russian)

Nesterenko Iu. K. *Sozvezdie Bol'shogo kovsha* [The Big Dipper constellation]. Chita: Poisk, 2002. 96 s. (in Russian).

Nikitina T. B. Bruseniinskii mogil'nik [Bruseniino burial complex]. *Arheologiiia evraziiskih stepei* [Archaeology of Eurasian steppes]. 2018, no 3. 255 s. (in Russian).

Nikolaeva N. A., Safronov V. A. *Istoki slavianskoi i evraziiskoi mifologii* [The roots of Slavic and Eurasian mythology]. M.: Belyi volk, Kraft: Oblizdat, 1999. 312 s. (in Russian).

Obermaier G. *Doistoricheskii chelovek* [Prehistoric man]. SPb.: Izd-vo Brokgauz i Efron, 1913. 687 s. (in Russian).

Ozheredov Iu. I. Sel'kupskie pogrebal'nye "maski" (k postanovke voprosa) [The Selkups' burial masks (statement of the question)]. *Vestnik TGU* [News of TGU. History]. 2013, Is. 3. S. 160–164 (in Russian).

Ozheredov Iu. I. Kul'turno-khronologicheskaia lokalizatsiia rakoviny kauri u narodov Zapadnoi i yuzhnoi Sibiri po dannym arkheologii i etnografii [Cultural-chronological localization of the cowrie shells among the people of the West and South Siberia based on the archaeological and ethnographic materials]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii* [Theory and practice of the archaeological research]. 2022, Vol. 34, no 1. S. 75–94 (in Russian).

Ol'khovskii V. S. *Monumental'naia skulptura naseleniia zapadnoi chasti evraziiskikh stepei epokhi rannego zheleza* [Monumental sculpture of the western part of the Eurasian steppes in the early Iron Age]. M.: Nauka, 2005. 299 s. (in Russian).

Orel V. E. *Kul'tura, simvoly i zhivotnyi mir* [Culture, symbols and the animal world]. Khar'kov: Gumanitarnyi Tsentr, 2008. 584 s. (in Russian).

Osborn G. F. *Chelovek drevnego kamennogo veka. Zhizn', sreda, iskusstvo.* [Ancient stone age man. Life, environment, art]. L.: Put' k znaniuu, 1924. 528 s. (in Russian).

Podushkin A. N. Arkheologicheskii kompleks iz katakomby 12 mogil'nika Kul'tobe [Archaeological complex from the catacomb 12 in Kul'tobe burial complex]. *Arii stepei Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepiakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriiakh* [Arians of Eurasian steppes: the Bronze Age and early Iron Age in Eurasian steppes and in neighboring territories]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2014. S. 398–408 (in Russian).

Ponomarenko E., Dik I., *Drevnie kochevniki Evrazii i Severnoi Ameriki* [Ancient nomads of Eurasia and North America]. Samara: Korporaciya Kanadskii muzei civilizatsiia, Samarskii oblastnoi istoriko-kraevedchskii muzei im. P. V. Alabina, 2007. 168 s. (in Russian).

Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty putestestviia, ispolnennogo v 1876–1877 godakh po porucheniiu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Essays on North-Western Mongolia. The results of the journey made in 1879 initiated by Imperial Russian Geographical Society]. SPb.: Printing house V. Bezobrazov and Co, 1881. Is. II. 181 s. (in Russian).

Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviia, ispolnennogo v 1879 godu po porucheniiu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Essays on North-Western Mongolia. The results of the journey made in 1879 initiated by Imperial Russian Geographical Society]. SPb.: Printing house V. Bezobrazov and Co, 1883. Is. 4, 1026 s. (in Russian).

Potapov L. P. Umai — bozhestvo drevnikh tiurkov v svete etnograficheskikh dannyykh [Umai — the deity of the ancient Turkic people in ethnographic context]. *Turkic studies proceedings* [Turkological collection]. M.: Nauka, 1973. S. 265–268 (in Russian).

Potin V. M. Vvedenie v numizmatiku [The introduction to the numismatics]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage]. L.: Iskusstvo, 1986. S. 67–163 (in Russian).

Reshetov A. M. Kostium man'chzhurskogo shamana v kolleksii MAE [A costume of a Manchurian shaman in the collection of MAE]. *Shamanizm i rannye religioznye predstavleniia. K 90-letiiu doktora istoricheskikh nauk, professora L. P. Potapova* [Shamanism and early religious believes. For 90th anniversary of the Doctor of Historical Sciences, L. P. Potapov]. M.: Inst-t etnologii i antropologii, 1995. S. 99–107 (in Russian).

Ritter K. *Zemlevedenie Azii. Geografiia stran ili pogranychnykh s neiu, Sibiri, Kitaiskoi imperii, Turkestana, Nezavisimoi Tatarii i Persii* [Zemlevedenie of Asia. Geography of the countries or neighboring Siberian, Chinese Empire, Turkestan, Independent Tartary and Persia]. SPb.: Izdano IRGO, 1877. 749 s. (in Russian).

Russo A. *Glossarii paleoliticheskogo iskusstva* [A glossary of paleolithic art]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2003. 80 s. (in Russian).

Riabkova T. V. Kochevniki predskifskogo i ranneskifskogo vremeni v Severnom Prichernomor'e [Nomads of pre-Scythian and early Scythian period in Northern Black Sea Region]. *Kochevniki Evrazii na puti k imperii. Iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki* [Nomads of Eurasia approaching the Empire. From the collection of the State Hermitage. Catalogue of an exhibition]. SPb.: Slavia, 2012. S. 50–59 (in Russian).

Savinov D. G., Chlenova N. L. Zapadnye predely rasprostraneniia olennykh kamnei i voprosy ikh kul'turno-etnicheskoi prinadlezhnosti [Western borders of deer stone zone and their cultural and historical attribution]. *Arkheologiya i etnografiia Mongolii* [Archaeology and ethnography of Mongolia]. Novosibirsk: Nauka, 1978. S. 72–94 (in Russian).

Savchenko E. I. Ukrasheniia naseleniia skifskogo vremeni na Srednem Donu [Ornamentations of the population in the Middle Don region during the Scythian period]. *Drevnosti Evrazii: ot rannei bronzy do rannego srednevekov'ia* [Antiquities of Eurasia: the the early Bronze period to early early Middle Ages]. M.: Institut arkheologii RAN, 2005. S. 451–489 (in Russian).

Sedov V. V. Vod'. *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ia* [Finno-ugric and Baltic people during the Middle Ages]. M.: Nauka., 1987. S. 34–42 (in Russian).

Semenov V. A. Tol'enskii mogil'nik IX–X vv. [Tolensky burial complex of IX–X centuries]. *Novye issledovaniia po drevnei istorii Udmurtii* [New research of ancient history of Udmurtia]. Izhevsk.: Udmurtskii institut istorii, iazyka i lit-ry Ural'skogo otdeleniia AN SSSR, 1988. S. 25–58 (in Russian).

Shternberg L. Ia. *Pervobytnaia religiiia v svete etnografii: issledovaniia, stat'i, leksii* [Primitive religion through ethnography: research, articles, lectures]. M.: LIBROKOM', 2012. 592 s. (in Russian).

Shulga P. I. *Mogilnik Yuihuanmiao v Severnom Kitae (VII–VI veka do nashei eri)* [Yuhuanmiao burial complex in North China (VII–VI centuries BC)]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2015. 304 s. (in Russian).

Sinika V. S., Zakordonets Iu. A. Rakoviny iz skifskikh pogrebenii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia [Shells in Scythian burials in North-western Black sea region]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt university]. 2018. Vol. 28, Is. 1. S. 81–87 (in Russian).

Slyusarenko I. Yu., Bogdanov E. S., Soyonov V. I., Materiali gunno-sarmatskoi epohi iz Gornogo Altaya (mogilnik Kuraika) [Xiongnu -Sarmatian period materials from the Altai Mountains (Kuraika burial complex)]. *Izuchenie istoriko-kulturnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri* [Historical-cultural heritage research]. Gorno-Altaysk: Agenstvo po kul'turno-istoricheskomu naslediyu Respubliki Altai, 2008. S. 42–57 (in Russian).

Slovar' simvolov [A dictionary of symbols]. M.: Izdatel'sko-torgovyi dom Grant. 2001. 164 s.

Slovar' simvolov i znakov [A dictionary of symbols and signs]. M.: AST; Mn.: Kharvest, 2006. S. 164 (in Russian).

Smirnov K. F. Savromatskaia i rannesarmatskaia kul'tury [Sauromatian and early Sarmatian culture]. *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia* [Steppes of the European part of USSR in Scythian-Sarmatian period]. M.: Nauka, 1989. S. 165–177 (in Russian).

Smirnov K. F. *Savromaty (ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov)* [Sauromatians (an early history and culture of Sarmatians)]. M.: Nauka, 1964. 380 s. (in Russian).

Smirnova E. Iu. Magiia v traditsionnom mirovozzrenii: po materialam traditsionnoi odezhdy sibirskikh tatar [Magic in traditional worldview: based on the traditional clothes of Siberian Tatars]. *Kul'turologicheskie issledovaniia v Sibiri* [Art history research in Siberia]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 1999, no. 1. S. 92–99 (in Russian).

Spasskii I. G. *Russkaia monetnaia sistema. Istoriko-numizmaticheskii ocherk* [Russian currency. A historical-numismatic essay]. L.: Avrora, 1970. 256 s. (in Russian).

Suslova S. Sibirsko-tatarskaia kolleksiia iuvelirnykh ukrashenii Tobol'skogo muzeia kak istoriko-etnograficheskii istochnik [Siberian-tatars collection of jewelry in Tobolsk museum as a historical-ethnographic source]. *Tatarskaia arkheologiiia*. Kazan'. 2004, no. 1–2 (10–11). S. 210–229 (in Russian).

Suslova S. V., Mukhamedova R. G. Narodnyi kostium tatar Povolzh'ia i Urala (seredina XIX — nachalo XX vv.) [Folk costume of the Tatars from Volga and Ural regions (middle of XIX-beginning of XX centuries)]. *Istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda* [Historical-ethnographic atlas of the Tatar people]. Kazan', Fen, 2000. 312 s. (in Russian).

Stepanova U. V. Zhenskii pogrebalnii kostum XI–XII vv. po materialam kurgannogo mogilnika Ust'e (Tverskaya oblast) [Female burial costume XI–XII centuries based on the materials from the burial complex Ust'e (Tver' oblast)]// *Vestnik TvGU. Seriya "Istoriya"*. 2018. N1. Archaeology. Ethnography. Historical geography. S. 52–63 (in Russian).

Tolksdorf I. F., Kraft I., Shmidt I. V. Issledovaniia raskrashennykh galek iz Mas d'Azil': istoriia i sovremennyi etap [A research on the painted pebbles from Le Mas d'Azil: history and modern period]. *Universum Humanitarium*. 2018, no 1. S. 69–86 (in Russian).

Treister M. Iu. Rakoviny morskikh molliuskov v pogrebeniiaakh kochevnikov aziatskoi sarmatii v kontekste torgovli ekzoticheskimi materialami v Evrazii [Mollusk shells from the burials of the nomads in Asian Sarmatia in the context of trade of exotic materials in Eurasia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2021, no 1. S. 22–58 (in Russian).

Tresidder D. *Slovar' simvolov* [A dictionary of symbols]. M.: FAIR-PRESS. 2001. 448 s. (in Russian).

Trifanova S. V., Soenov V. I. *Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni* [Jewelry of Altai population during Xiongnu-Sarmatian period]. Gorno-Altaysk: GAGU, 2019. 160 s. (in Russian).

Tsibiktarov A. D. *Kultura plitochnih mogil Mongolii i Zabaikal'ia* [The slab grave culture in Mongolia and Transbaikalia]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. un-ta, 1998. 288 s. (in Russian).

Tsiv'ian T. V. Oppozitsiia muzhskoi/zhenskii i ee klassifitsiruushchaia rol' v modeli mira [Opposition of male and female and its classifying role in the world model]. *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniia* [Ethnic stereotypes of male and female behavior]. SPb.: Nauka, 1991. S. 77–91 (in Russian).

Vasilevich G. M. Material'naia kultura sredneamurskikh evenkov (Po kollektsiiam muzeev Leningrada) [Material culture of the Evenks from the middle Amur river (based on the collections of Leningrad museums)]. *Material'naya kultura narodov Sibiri i Severa* [Material culture of the people of Siberia and the North]. L.: Nauka, 1977. S. 106–137 (in Russian).

Vasil'ev L. S. *Kul'ti, religii, tradicii v Kitaye* [Cults, religions and traditions in China]. M.: Vostochn. lit-ra RAN, 2001. 488 s. (in Russian).

Varenov A. V. K datirovke severokitaiskikh pamyatnikov shilousskogo tipa s “karasukskimi” nozhami [On the dating of Shiloussky type monuments with “karasuk” knives in the North China]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005. S. 79–90 (in Russian).

Veile C., *Pervobitnoe obschestvo I ego hozyaistvo* [Primitive society and its economy]. Petrograd-M., 1923. 156 s. (in Russian).

Volkova L. A. Udmurtskie zhenskie ukrasheniya XIX–XX vv. (etnograficheskii obzor kollektsii Udmurtskogo respublikanskogo muzeya) [Udmurt female ornamentations of XIX–XX centuries (ethnographic observation of the Udmurt Republic Museum collection)]. *Novie issledovaniya po drevnei istorii Udmurtii* [New research of ancient history of Udmurtia]. Izhevsk.: Udmurt institute of history, language and literature, 1988. S. 25–58 (in Russian).

Voronina R. F. Yuzhnie i stepnie vliyaniya v culture srednecinskoi mordvi VIII–XI vv. [Southern and steppe influences in Middle Cna river Mordva people]. *KSIA* [Brief information of the institute of archeology]. M. : Nauka, 2005. No. 218. S. 98–108 (in Russian).

Voronov Yu. P. *Stranicy istorii deneg* [Money history pages]. Novosibirsk: Nauka, 1986. 176 s. (in Russian).

Vyatkina K. V. Kostyum darhatskoi shamanki [The costume of Darkhat female shaman]. *Kultura narodov zarubezhnoi Azii i Okeanii* [Culture of the people in Asia and Oceania]. M. : Nauka, 1969. Vol. XXV. S. 136–145 (in Russian).

Zaitseva I. E. Pogrebeniia v detintse Serenska [A burial in Serensk detinets]. *KSIA* [Brief information of the institute of archeology]. 2001, no. 211. S. 93–107 (in Russian).

Zhamtsarano Ts. Zh. Ongony aginskikh buriat [Ongons of the Aginsky Buryat people]. *Zapiski IRGO po otdeleniiu etnografii* [Notes of the ethnographic department of IRGO]. SPb., 1909. Vol. XXXIV. S. 379–394 (in Russian).

Zaria chelovechestva [The dawn of humanity]. M.: TERRA — Knizhnyi klub, 1998. 176 s. (in Russian).

Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Rheinische Friedrich-WilhelmsUniversität Bonn, 2011. S. 349–424 (in English)

Chalikova E. A., Kazakov E. П. Le cimetiére de Tankeevka // Les anciens hongrois et les ethnies a l'Est.-Budapest, 1977. S. 21–221 (in English).

Статья поступила в редакцию: 10.05.2022.

Принята к публикации: 17.11.2022.

Дата публикации: 25.12.2022